

София Слиборская

Провожая
солнце

София Слиборская

Провожая солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69896392

SelfPub; 2023

Аннотация

После окончания школы жизнь Андрея изменилась в худшую сторону. Совершенно беспомощный, с больной маленькой сестрой рядом и тяжелым грузом прошлого за спиной, бесконечно тянущим его вниз, он, кажется, понемногу начинает терять рассудок. Выберется ли он из запутанного лабиринта собственного разума или потеряется в нём навсегда? Что окажется более ценным: память прошлого или надежда на будущее? Публикуется в авторской редакции с сохранением авторских орфографии и пунктуации.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	32
Глава 3	52
Глава 4	86
Эпилог	111

София Слиборская

Провожая солнце

Глава 1

Ярко-оранжевыми полосками стекая по фиолетовым обоям, солнце в последний раз осматривало свои владения, перед тем как передать их до утра подружке-луне. Красота закатов всегда напоминала мне красоту увядающего цветка, уже не такого яркого и гордого, как раньше, смиренно склонившегося над землей и готового принять свою смерть, чтобы ожить следующей весной. Знает ли цветок, роняющий свои высохшие лепестки, что его конец – это не навсегда, но чтобы зацвести снова, ему нужно распрощаться с прошлой жизнью? Так же и солнцу приходится оставлять землю, прятаясь за горизонт, для того чтобы позже подарить миру новый день. И все же, невыносимо тяжело смотреть, как рыжий шарик солнца медленно скатывается за горизонт, окрашивая небо в пастельно-розовый цвет.

В маленькой пыльной квартирке с тёмно-фиолетовыми обоями закат надолго задерживаться не стал: пробежался по стенам, заглянул в старый сервант, сверкнул оранжевым бликом в зеркале, на секунду окрасил светлые кудри девочки, сидящей за столом, в рыжий цвет, а потом выскользнул в окно, оставив после себя лишь воспоминания об уходящем дне. Закат еще вернется. Вернется завтра и послезавтра, вернется еще много раз, но именно этот уже не повторится никогда, и от этого становится грустно.

–Чего приуныл?-тихий голос сестры прервал мои размышления о цикличности жизни и вернул меня на землю.-Опять о Наташе думаешь? Позвони ты уже ей, скажи обо всем!

Алиса всегда думает, что если я грущу, то это из-за невзаимной любви, и я бы мог списать это на то что ей 12 лет, а это тот самый возраст, когда девочки перестают любить Барби и начинают мечтать о Кене, вот только её предположения о причине моей грусти чаще всего оказываются правдой.

–Я не приуныл, я просто задумался,-заверил девочку я.- И тем более не грущу из-за Наташи. Ты ведь знаешь, мы два года как разошлись, она очень сильно изменилась за это время. Да и номер наверняка поменяла, вряд ли сейчас я ей дозвонюсь.

–И все же ты задумывался об этом, да?

Отвечать на этот вопрос не хочется, как и в целом вспоминать о кошмаре, творящемся в моей жизни последние два года. И почему стоит мне задуматься о чем-то другом, Алиса всегда напоминает мне о причине моих страданий?

–Давай доедай суп уже и иди спать!-слова прозвучали почти как приказ, но Алиса лишь тяжело вздохнула, глядя в тарелку с пустым супом, успевшим остыть за то время, пока она уныло размешивала его ложкой.

–Мне обязательно есть это?–с ударением на последнее слово не поднимая глаз пробормотала она, а потом, игнорируя мои слова о том, что – да, обязательно – поднялась из-

за стола и проскользнула в коридор, оставляя меня наедине с сумерками, тишиной и тарелкой овощного бульона, который я так отчаянно пытался выдать за что-то хоть немного сытное.

Держась руками за краешек стола я медленно поднялся на ноги и попытался сделать шаг. Почти получилось. Голова кружилась и болела то ли от голода, то ли от того, насколько мало было кислорода в нашей квартире, не проветриваемой последние несколько дней. С наступлением осени воздух на улице стал холоднее, так что позволить себе такую роскошь как ежедневное проветривание мы больше не можем – нам не хватит денег, чтобы оплачивать ещё и отопление, а я не могу допустить, чтобы Алиса жила в холоде. Я не хочу и чтобы она голодала, но её пенсия ничтожно мала, чтобы её хватило нам на двоих, а идти работать я не могу – из-за состояния сестренки я должен всегда находиться рядом с ней, чтобы в случае чего позвонить врачу или предотвратить попытку сделать нечто ужасное. И все же, все что могу, я всегда отдаю Алисе – переборов желание впервые за день съесть хоть что-нибудь, я закрыл дверцу холодильника, в котором, в общем-то, ничего кроме недоеденного бульона, который я туда поставил только что, и просроченного майонеза не было. Если завтра пенсия так и не придет, то я вряд ли выживу. С каждым днём ходить становится все труднее, а грызть черствый хлеб все вкуснее, и если бы два года назад мне сказали, что я буду жить так, как живу сейчас – я бы согласился на

предложение Наташи прыгнуть под поезд. Но я не знал.

Два года назад все действительно ощущалось совсем по-другому: выпускной класс, последние экзамены, ночные прогулки, розовые пряди в черных волосах, Наташа... Но все это осталось в прошлом, а за школьным порогом меня ждала не долгожданная и такая сладкая свобода, а неприятно горькая и пугающая взрослая жизнь со всеми её пороками. И когда бабушки не стало и маму увезли в больницу, мне стало на самом деле страшно, но страшно не за себя, а за Алису, лишённую нормального, счастливого детства из-за её страшной болезни, доставшейся ей от матери. Стать опекуном своей младшей сестры, когда тебе самому едва исполнилось восемнадцать, довольно сложно, но гораздо сложнее было бы жить, зная что где-то в детском доме медленно умирает из-за недостатка любви и внимания такой дорогой и родной человек.

И когда ты взял на себя ответственность за маленького человечка, ты должен стараться как только можешь, чтобы твой человечек был счастлив. Когда я, держа в руках пластинку таблеток, зашел в нашу с Алисой крохотную комнатку, она, как и всегда, сидела на пыльном выцветшем ковре, который когда-то был ярко-красным, и оживленно что-то рассказывала небольшому зеркалу, стоящему напротив неё. Такое случалось уже много раз, и в такие моменты она всегда выглядела живее всего: на бледных худых щеках появлялся румянец, обычно тихий голосок звучал задорно и звонко, а

в грустных голубых глазках загорались огоньки. Именно такой я бы хотел видеть её всегда: веселой, по-детски наивной, беззаботной и счастливой, и от этого мне становится сложно давать ей прописанные врачом лекарства. Если Алисе так плохо в настоящем мире, что её мозг сделал для неё свой собственный маленький мирок, могу ли я лишать её этого? Имею ли я право забирать у неё единственную возможность хоть ненадолго сбежать из печальной реальности?

—Андрюша, иди сюда!—заметив меня, сестра радостно улыбнулась.—Девочка из зеркала хочет с тобой поговорить. Я рассказала ей про то, какие противные супы ты готовишь, она сказала, что может посоветовать новый рецепт, чтобы всем было вкусно!

—Давай мы с ней поговорим завтра, хорошо?—пытаясь улыбаться как можно более дружелюбно, спросил я.—Сегодня уже поздно, скажи Девочке из зеркала, что тебе пора смотреть колыбельную и ложиться спать.

Явно обиженная моими словами Алиса высунула язык в знак протеста, но, услышав про колыбельную, быстро изменила свой настрой и радостно запрыгнула на диван. Смотреть колыбельную по телевизору было вторым любимым делом Алисы после игр с уличными котами, и только под эту колыбельную она могла заснуть, так что пропустить её было нельзя.

—Я включу телевизор, но ты должна выпить веселинку, хорошо?—я протянул девочке крохотную круглую таблетку.—Ес-

ли надо запить, давай принесу воды.

–Опять веселинка?-тяжело вздохнула девочка.-Зачем я вообще их пью? Ты говорил, что они нужны, чтобы я была радостной, но я почему-то все ещё грустная!

–Ну вот видишь, а представь как тебе было бы плохо без них.

Говорить о лекарствах не хотелось вообще: если надо пить – значит пей, но любопытной Алисе все равно нужно было узнать от чего же я её спасаю, и если бы я сказал, что от Девочки из зеркала – её единственной подруги, то сестренка этого бы явно не одобрила, потому мне и пришлось придумать «веселинки» – лекарства от грусти, которые помогают быть счастливее, а она и поверила. Вот только в одном она права: лекарства ей мало помогли, и пускай ночные истерики из-за того, что кто-то стоит над её кроватью, прошли, разговоры с Девочкой из зеркала, попытки подружиться с солнечным зайчиком и рассказы о прошлых жизнях никуда не делись. То ли дело было в том, что эффект от лекарств накопительный и надо просто подождать, то ли в том, что назначенная врачом доза оказалась не подходящей для Алисы – разбираться в этом не особо хотелось, да и тем более, если так посмотреть, то девочка не чувствовала себя несчастной из-за своей болезни.

Удобно устроившись на диване, Алиса с нетерпением смотрела, как я один за другим подключаю разноцветные провода к телевизору, доставшемуся нам от бабушки – пыль-

ному, старому и уставшему. Такие телевизоры уже, наверное, не то что не продаются, а выставляются в музеях: массивные, по форме напоминающие куб, с десятком разноцветных проводков и кнопок, которые нужно было нажимать в определенном порядке каждый раз перед тем, как нажать круглую чёрную кнопку включения. Работало это чудо техники тоже не слишком хорошо, поэтому я всегда старался включить его за полчаса до начала колыбельной, чтобы, в случае чего, вовремя устранить неполадки.

–Ну что там возиться? Ты всё никак не можешь запомнить куда нажимать?–раздражённо пробормотала Алиса. Она всегда сильно нервничает, когда я включаю телевизор, видимо слишком боится пропустить колыбельную.

–Терпение, Алиса, терпение,–экран телевизора уже загорелся, но каналы как назло не хотели переключаться.–Видишь, ещё только закончились новости, успеем включить колыбельную.

И я правда хотел переключить канал. Хотел, но почему-то не стал, словно знал, что сейчас тут покажут что-то, что мне обязательно надо увидеть. И моя интуиция меня не подвела.

«К вашему вниманию выступление народного хора «Свята» под руководством юного, но уже известного хормейстера, Пронович Натальи!» – голос миловидной телеведущей звучал просто и сдержанно, но несмотря на это её слова заставили моё сердце на секунду замереть, а после забиться с новой силой в несколько раз быстрее. Знакомое имя отдава-

лось болью в самых потаённых уголках моего сознания, куда никогда не проникали ни солнечные лучи, ни летнее тепло, ни сладкие речи других людей – ничего, кроме её имени. Как самое дорогое сокровище, память о ней хранилась там, где нет никаких лишних, пустых и бесполезных воспоминаний – лишь она. Сколько бы времени ни прошло, я, кажется, всегда буду помнить её бледную кожу, чёрные, с розовыми прядками, волосы, большие зелёные, с рыжими «солнышками» вокруг зрачка, глаза, вечно холодные руки... И голос – немного хриплый, мягкий, тихий и такой родной голос. Наташа никогда не любила выступать на сцене, но петь у неё получалось лучше всех, и если бы не её бескрайняя стеснительность, она бы давно покорила мировую эстраду. Пела она мало, и не всем доводилось услышать, как тихая, необщительная и вечно грустная девочка, начиная петь, расцветала, словно цветочек эдельвейса на вершине холодной горы – одинокая, сильная, но такая чудесная. Не было и не будет на свете людей, которые способны так меняться, сливаясь во-едино с музыкой, становясь ею, вкладывая в каждую фразу кусочек своей души, кусочек того, что дано понять только самому чуткому и внимательному слушателю. Когда Наташа, сидя на грязной лестничной клетке, начинала петь, дирижируя сама себе, старый подъезд превращался для меня в Эдемский сад, а она всегда была в моих глазах самым прекрасным ангелом, и даже её чёрная странная одежда и тёмные тени под глазами не могли разрушить тот прекрасный

светлый образ, который она создавала своим пением.

А сейчас она дирижировала не себе, и не сидя на лестнице в подъезде. Стоя перед огромным хором она взмахнула своей дирижёрской палочкой, словно волшебной, и уже десятки других голосов полились, переплетаясь друг с другом и с нотками фортепиано. Вот только вся эта магия хора никогда не сможет сравниться с мягким, тихим, но таким чудесным Наташиным голоском, звучавшим некогда в обычном сером подъезде и оставшимся самым тёплым воспоминанием в моём сердце. Почти прижавшись лицом к экрану телевизора, я наблюдал за ритмичными движениями рук Наташи. Я не видел её лица, но отлично представлял, как сияли её зелёные глаза, горели ярко-розовым румянцем щёки и легонько дрожали губы, повторяя раз за разом «Раз-и-два-и, раз-и-два-и». Раньше, когда я включал музыку, она всегда начинала делать так. Поначалу я не понимал, зачем она это делает, но позже просто привык и начал воспринимать ее любовь считать такты в любой песне ещё одной милой особенностью. Но для неё это была не просто особенность, а работа, ведь иначе она бы не оказалась сейчас здесь, на первом канале, дирижируя народному хору перед всей страной. Забавно вышло: стеснительная грустная девочка, которая так боялась внимания, в итоге стала звездой. Изменилось не только её положение в обществе, но и стиль, и глядя на длинное белоснежное платье и рыжие кучерявые волосы я понял, что учителя всё-таки были правы, когда говорили, что её подрост-

ковое самовыражение было лишь фазой, как бы она того не отрицала. Было даже немного больно смотреть, как некогда юная девочка-эдельвейс в короткой чёрной юбке, полосатых чулках и с цепями из скрепок на шее теперь стала благородной, словно роза, леди, с аккуратно уложенными волосами и в длинном белом платье. Почему она так изменилась? Она ведь ненавидела таких девочек, какой стала сейчас сама. Почему её фаза подростка-бунтаря так неожиданно и странно закончилась? Осознавая, что ответов на эти вопросы я не получу, я просто продолжил сидеть и смотреть в спину когда-то такого близкого, но теперь уже абсолютно чужого мне человека, и на моих глазах выступили слёзы. Как я мог упустить её? Почему всё вышло именно так? Думает ли она обо мне хоть иногда? Я ведь думаю о ней, думаю постоянно, прокручивая в голове самые тёплые воспоминания за мою жизнь, вспоминая каждую секунду проведённую с ней и мечтая хоть на мгновение венуться туда. Важен ли я для неё хоть на толику того, насколько важна мне она?

—Андрей! Колыбельная!—голос сестры словно электрический ток вывел меня из странного состояния и снял с меня чары, которые не позволяли отвести взгляда от поющего хора и Наташиной спины.

В ужасе я нажал кнопку переключения канала, но было уже слишком поздно: последняя нотка колыбельной прозвучала особенно печально, словно она сама сожалела, что мы не успели включить её вовремя, а картинка с луной в небе и

улетающим куда-то воздушным шаром медленно растворялась в темноте экрана, пока не исчезла совсем.

—Прости, пожалуйста,-опустив глаза в пол, растерянно пробормотал я,-я не хотел... Просто... Просто там была...

—Я понимаю,-Алиса, кажется, была сильно огорчена, но старалась не подавать виду,-не каждый день увидишь Наташу по телевизору. Просто... Просто как я теперь засну? Ты же знаешь, без колыбельной мне сложно спать. Я могу поговорить с девочкой из зеркала вечером, но после двенадцати она идёт спать, а её место занимают страшные монстры, которые вылезут, если я посмотрю на них. Неужели мне придётся снова не спать всю ночь? Я очень боюсь темноты...

Слова сестры звучали искренне грустно, так что пускай она и не винила меня, я всё же почувствовал сильный стыд перед ней. Ведь мог же я не смотреть на так сильно выросшую и изменившуюся Наташу, в которой осталось невероятно мало от той старшеклассницы, которую я безумно любил. Мог, но почему-то не стал, и теперь от моей глупости страдает маленький человечек, самый, наверное, дорогой человек для меня. В панике пытаюсь придумать хоть что-то и перебирая всевозможные варианты, как спасти Алису, я наконец вспомнил Наташину колыбельную, которую она всегда пела мне, когда я засыпал у неё дома. Её мама часто ходила по клубам, знакомясь там с совершенно разными мужчинами, так что Наташа даже не знала наверняка, кто её отец, и когда мама Наташи, в очередной раз забыв о том, что ей

давно не восемнадцать, спешила в клуб, я приезжал в старую двухкомнатную квартирку, которая стала для меня почти домом, а потом мы с Наташей закрывались в её обвешанной постерами комнате и играли в видеоигры, ели пиццу, смотрели сериалы. А перед сном она всегда пела мне колыбельную, сидя на краю кровати в своей чёрной рубашке с черепами. Забавная картина: среди плакатов рок-групп, разбросанных по полу дисков с хоррор-играми и захламленных иностранными журналами полоч, девчока, похожая на ангела, исполняет, дирижируя себе сама, колыбельную. И только под эту колыбельную я засыпал спокойно, не мучаясь до утра в бессмысленных попытках уснуть и не просыпаясь по многу раз от кошмаров, преследующих меня везде, но не рядом с Наташей. Её голос был тем самым волшебным лекарством от всех болезней, спасением от страха и одиночества, и только её пение могло заставить меня почувствовать себя по-настоящему хорошо.

–Слушай, Алиса, может ты сможешь уснуть, если я спою тебе колыбельную?-несмело предположил я.-Не ту, конечно, что идёт по телевизора, но вдруг..?

–А давай!-неожиданно весело ответила сестра.-Мне всегда было интересно послушать, как ты поёшь!

На секунду я пожалел о своём предложении, но делать нечего: Алиса уже согласилась, а значит, пути назад нет, и надо петь. Набрав полные легкие пыльного воздуха, я, сидя на старом ковре около телевизора, запел. Запел тихо, несме-

ло и не особо красиво – я едва ли попадал в ноты . Вот только знакомая мелодия, вытаскивающая самые тёплые воспоминания из самых сокровенных уголков души, всё равно оставалась такой же прекрасной, как бы я не уродовал её своим хриплым, низким голосом. И даже теперь, разбиваясь о стены маленькой комнатки, мотив колыбельной возвращал меня в старшие классы, словно и не было этих двух лет после окончания школы, словно я только-только сдал экзамены и, обвязав синий пиджак вокруг пояса, мчался к Наташе с букетом цветов, которые изначально были куплены для нашего учителя. И словно никакого расставания никогда и не было, а она до сих пор ждёт меня, сидя на лестнице в подъезде с баночкой дешёвого энергетика. И пускай мою попытку в пение нельзя было и сравнить с тем, как пела она, что-то дорогое мне и родное всё же было в этих, звучащих так несмело и так глупо, строчках. Словно эта колыбельная была не просто сочетанием слов с нотами, а кусочком Наташи, воплощением её души, её чувств и её разума, и чем дольше я пел, тем быстрее билось сердце у меня в груди от ощущения, что она сейчас где-то рядом, стоит и смотрит на меня своими зелёными, с рыжими «солнышками» вокруг зрачка, глазками, а на её лице сияет самая светлая, самая искренняя и самая родная для меня улыбка.

На долю секунды я и правда поверил, что она стоит где-то здесь, оттого и обернулся, и только окинув взглядом комнату понял, что в таких ситуациях доверять непонятным

чувствам внутри себя не стоит. Как она могла бы оказаться здесь, если совсем недавно она стояла в оперном театре перед народным хором «Свята» в белоснежном платье? Видимо – то ли от голода, то ли от долгого отсутствия сна – мой мозг потихоньку начал сходить с ума. Надо всё-таки ложиться пораньше. Слава богу, Алисе удалось заснуть под моё пение, так что мне не пришлось бы сидеть с ней до самого утра только чтобы ей не было страшно. Расстелив на полу ватное одеяло, я улёгся, свернувшись калачиком, словно младенец, и, укрывшись колючим коричневым пледом, принялся считать про себя до ста – лучший способ заснуть и избавиться от тревожных мыслей. И правда ведь, волноваться незачем: завтра придёт пенсия Алисы, и я смогу купить нам еды. А может в этом месяце мне даже удастся отложить немного на зимнее пальто сестрёнке. В любом случае, всё ведь будет, да и есть, хорошо. Вот только всё же было кое-что, что сбивало меня со счёта, и каждый раз, едва доходя до двадцати, я начинал путаться между цифрами и навязчивыми мыслями, нет, скорее воспоминаниями о ней.

Первое сентября. Нарядные, в синих пиджачках, мальчики и, в пышных платьишках, девочки с белоснежными бантами в волосах в несколько рядов выстроились на линейке, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и ожидая, когда же их распустят по домам. Вернувшиеся с моря загоревшие ребята стояли с гордым видом в первом ряду, чуть за ними располагались отличники, всё лето читавшие книги в своих

комнатах, отчего их кожа была белее снега, и только уже за ними всеми, теребя розовые пряди и что-то бормоча про себя, стояла пока никому не знакомая девочка, которая была бледнее даже самого старательного отличника. Когда десятые классы только формировались, многие друзья специально выбирали одинаковый профиль, чтобы учиться вместе, но были и одиночки, которые попадали в абсолютно новую компанию. К таким обычно подходили, спрашивая: «О, ты из «А» класса? Здесь же собрались бывшие девятые «В» и «Г», зачем ты пошёл сюда?» Вот только к странной девочке, одежда которой едва ли напоминала школьную форму, а чёлка закрывала половину лица, почему-то никто не подходил. Кажется, она перевелась из другой школы или что-то в этом роде, так что даже среди десятиклассников, ещё не успевших хорошо познакомиться друг с другом и разбиться на группы, она уже была чужой. Знала о ней только одна девчонка из нашего нового класса – пианистка Люба, которая любезно сообщила всем нам, что они с новенькой вместе учатся в музыкальной школе, но та, в отличие от самой Любы, не имеет «ни слуха, ни голоса».

–И имя у неё странное,-говорила Люба, наслаждаясь тем, что ей наконец удалось оказаться в центре внимания и одноклассники в кои-то веки слушают её,-то ли Кристина, то ли Каролина, никто не знает – она ни с кем не общается.

–Она эмо что ли?-всё-таки перебил Любочку мой лучший друг Гриша, высокий широкоплечий парень, с которым мы

дружили ещё с начальной школы, а может вообще с детского сада.-Одета чёрт знает во что! Я, конечно, тоже не в восторге со школьной формы, но я же не прихожу в полосатых чулочках.

—А майка, посмотрите, это что вообще такое?-тут же встряла в разговор Ира – главная модница класса.-Кто вообще так одевается? Это же даже не прилично, выглядит так, словно она украла бельевую майку у своей мамы! Да и прическа, если честно, не восторг, такие чёлки – это прошлый век, как и сочетание чёрного с розовым. И эти ботинки, просто представьте, как потеют её ноги!-девочка противно захихикала и несколько её подружек, стоящих рядом, тут же повторили за ней, словно своего мнения у них не было вообще.

Я обернулся, чтобы посмотреть, как там новенькая, и, к своему удивлению, обнаружил, что девочка, развернувшись, быстро побежала в сторону школы. «Ну вот, не успели позакормиться, уже довели её до слёз» – с сожалением подумал я, а потом, махнув рукой Грише, чтобы тот чуть что прикрыл меня, быстрым шагом двинулся за ней. Ведь нельзя так делать! Нельзя, но все продолжают судить лишь по внешнему виду и так будет всегда: встречают по одежке, да и провожают, в целом, тоже. Через запасную дверь войдя в школу я быстро окинул взглядом помещение: стены, которые мы весь июнь красили в бирюзовый цвет, сбитые уголки лестницы, перила, на которых маркером оставили автографы учащиеся этой школы, скользкий, только вымытый плиточный пол

и чёрное пятнышко на самой верхней ступеньке лестницы – новенькую. Прислонившись к стене, она сидела, не переставая теревить розвую прядь – видимо слишком волновалась.

– Девочка! Девочка из десятого «А»!-позвал её я и, пока она медленно поднимала голову, пытаюсь понять, то ли кто я, то ли где она, уселся рядом. – Ты в порядке? Не обращай на них внимания, они ко всем так относятся. Подумаешь, ботинки у тебя не такие! Они сами-то еле стоят на своих каблуках, да и мозолей наверняка уже понатирали.

Новенькая удивлённо посмотрела на меня, словно я говорил на другом языке, но я не собирался останавливаться:

– И насчёт музыки тоже, не все умеют петь! Я вот тоже плохо пою, так что Люба могла сказать то же самое и про меня. Ты не переживай главное, ещё вольёшься в коллектив!

В воздухе на пару секунд повисло неловкое молчание.

– Я не слышала, что вы там говорили, я в наушниках была, но спасибо, что сообщил, – после почти минутной паузы наконец ответила девочка. – Тебе ещё что-то надо?

К этому моменту я перестал понимать что-либо вообще: если она не слышала, как девочки хихикали над её одеждой, почему она так резко решила уйти с линейки?

– Я убежала, потому что мне стало плохо, – словно прочитав мои мысли сказала девочка, а потом, схватив мою ладонь и положив её себе на макушку, добавила, – Вот, потрогай, у меня голова почти закипела. Когда красишь волосы в чёрный, такое бывает очень часто. За это лето я теряла сознание

несколько раз, так что уже знаю, когда надо бежать в тень. А теперь, раз уж ты такой хороший, принеси мне стаканчик воды, пожалуйста.

Сначала я хотел было начать возмущаться – кто она такая, чтобы мне указывать и почему это я должен нести ей воду? Но потом, присмотревшись к ней внимательнее, понял, что она и правда держится из последних сил, и ей действительно нужен этот стакан воды. Бросив свой портфель на лестнице рядом с девочкой, я, перепрыгивая через несколько ступенек, помчался в столовую, не переставая думать о новенькой. Кто она такая? Почему перевелась в нашу школу? Зачем так странно и так провокационно вырядилась на первое сентября? И какое же у неё сложилось впечатление обо мне, после того как я начал наш разговор с рассказа о том, что же про неё говорят мои друзья? Хотя она ведь должна понимать, что делал я это не со зла, а напротив, хотел успокоить и поддержать её? Этого мне было не понять – за весь разговор новенькая ни то что не улыбнулась, она вообще не проявила ни одной эмоции, так что можно было подумать, что я общаюсь с роботом. «Ей просто было плохо, -успокаивал себя я. -Она не зла на меня, просто сейчас не в лучшем состоянии, да и тему для разговора я выбрал не лучшую... Мог бы я спросить хоть её имя!» Чем больше я размышлял на эту тему, тем сильнее разгоралось внутри меня чувство стыда за всё что я сказал ей, и, хоть я и понимал, что ничего плохого я не сделал вообще, на душе было паршиво. Быстро налив в

стеклянный стаканчик из столовой воду из под крана, я молнией метнулся обратно к новенькой, по прежнему сидевшей на лестнице, прислонившись головой к стене.

– Вот, держи, – протянув девочке стакан, я устроился рядом, а потом, подождав, когда она несного придёт в себя, спросил: – Как тебя зовут хоть? Каролина или всё-таки Кристина?

На секунду мне показалось, что она готова была рассмеяться, но вовремя взяла себя в руки и продолжила сидеть со своим невозмутимым выражением лица.

– Наташа. Меня зовут Наташа, – девочка немного отпила и поморщилась, наверное вода была слишком холодной. – С чего ты вообще решил, что я Кристина, или, не дай бог, Каролина?

Отвечать ей не хотелось, как и в принципе разговаривать. Единственное, чего я хотел в тот момент, это вырвать себе язык с корнем, чтобы больше не позориться. «Да что ж со мной такое! Я же много раз говорил даже более глупые вещи и оказывался в невероятно неловких ситуациях, почему именно сейчас мне так стыдно, как не было никогда до?», – не понимал я, и чем больше я пытался себя успокоить, тем больше нервничал. Незнакомый мне до сих пор страх не понравился девушке неожиданно пришёл в мою жизнь и сразил меня наповал. И почему вообще мне было так страшно, что новенькая – странная молчаливая девочка – посчитает меня недостаточно умным, интересным или хорошим?

Впервые в жизни я волновался о том, какое же впечатление я произведу на девочку, понравлюсь ли ей, захочет ли она со мной общаться дальше.

–Ты чего?-Наташа наклонилась и удивлённо посмотрела мне в глаза.-Ты весь покраснел, тебе тоже жарко? На, выпей воды, я всё равно больше не хочу.

Она протянула свой стакан и мне не оставалось ничего, кроме как взять его, а потом, не прокашлявшись, хрипяще-писклявым голоском пробормотать «Спасибо».

–Тебя-то как зовут, Кристин или Каролин?-дразня меня спросила девочка, но увидев, что я покраснел ещё сильнее, всё же одумалась:-Ладно, прости, я так больше не буду. Так как тебя зовут?

–Андрей,-коротко ответил я, боясь снова ляпнуть что-то лишнее и опозориться, а потом, подумав, что мой ответ уж слишком сухой, добавил:-Цветаев Андрей, учусь в десятом «А», приятно познакомиться.

–Ага, взаимно. Вот только класс не обязательно было говорить, мы же из одного, даже на линейке вместе стояли...

Пытаясь прогнать мысли о нашем первом разговоре с Наташей из своей головы я несколько раз нервно перевернулся под колючим коричневым пледом, вот только это мало помогло. Вспоминать события того дня сейчас было особенно больно. Сколько времени прошло с нашего с ней знакомства? Года четыре так точно. Тогда я был совсем юным и наивным, я даже не мог понять, что со мной происходи-

ло каждый раз, когда я оставался с ней наедине и почему я начинал вести себя глупо, говорить непонятные вещи и постоянно смущаться, стоило Наташе посмотреть на меня. Она была доказательством существования любви с первого взгляда, вот только я в свои пятнадцать не сразу понял, что это любовь, и очень долго пытался списать всё на то что «она просто выглядит необычно, вот и привлекает моё внимание», потеряв так много драгоценного времени и лишившись столько возможностей узнать её получше. Ведь если бы я знал, чего она хочет на самом деле, возможно сейчас она была бы рядом, и, сидя на краю дивана в своей рубашке с черепами, пела бы колыбельную. А может нет..? В голове тут же всплыл образ Наташи из сегодняшней телепередачи. Изменилась бы она так, если бы осталась со мной? Стала бы носить белые платья, краситься в рыжий и укладывать волосы вместо того чтобы выглядеть как юная бунтарка? От мыслей об этом у меня лишь разболелась голова, видимо, мой мозг мог принять всё, но не то что моя любимая эмо-девочка так сильно изменилась и стала такой же как все те, кого она недолюбливала. Ведь чем теперь она отличалась от модницы Иры и её подружки Сони, которые постоянно дразнили Наташу за её стиль? То, что я больше всего уважал в Наташе – её способность к самовыражению, то, как несмотря ни на что, она оставалась собой, пусть это и выглядело смешно для других, её никогда не волновало чужое мнение, и если все девочки бились в слезах, стоило Ире сказать, что те вы-

глядят нелепо, Наташа лишь пожимала плечами, поправляла чёлку и продолжала заниматься своими делами как ни в чём не бывало.

Осталось ли от той Наташи, которую я так сильно любил, хоть что-то, кроме имени? Если поменялись её взгляды на жизнь, значит ли это, что она теперь другой человек, которого я совсем не знаю? Неужели теперь моя Наташа для меня просто Пронович Наталья, хормейстер, дирижирующий народному хору в оперном театре и не больше? Нет, этого просто не может быть. Она ведь тоже любила меня, а любовь не может просто взять и умереть, перестать пылать, словно костёр в сердце, превратившись в чёрную золу. Меня всего трясло, но не от холода, а от тихого ужаса, зародившегося в моём сердце, и распространившегося, словно вирус, по каждой клеточке моего тела, пробравшись даже в самые далёкие уголки моей души, где хранились воспоминания о нас с Наташей. Ужас этот не был похож на простое чувство страха, которое охватывает нас, когда нам кажется, что мы не в безопасности, а больше походил на монстра, паразита, поселившегося внутри меня и медленно пожирающего мои внутренности, мои воспоминания, мои чувства. И где бы он не появлялся, это место начинало болеть в миллионы раз сильнее, будь то простое воспоминание, пережитая мною эмоция или чувство. Даже самые светлые моменты превращались в кошмар под его влиянием, а попытки ни о чём не думать вызвали новый, ни с чем не сравнимый приступ боли, кото-

рую я ощущал почти физически. Словно змей искунитель, предлагающий Еве отведать запретный плод, Ужас внутри меня шептал мне что-то неразборчивое, но от этого не менее страшное. Кажется, он говорил о том, что Наташи, какой я её знал, больше нет и никогда не будет.

Резко вскочив на ноги я отбросил в сторону колючий коричневый плед. Нет, я не могу просто лежать, позволяя Ужасу получать контроль над моим телом, я должен что-то сделать, вот только что..? Мой взгляд упал на мирно сопящую на диване Алису и я немного успокоился – с сестрой всё в порядке, а значит, всё не так уж и плохо, может быть даже хорошо. Нет, хорошо это все-таки громко сказано, и, несмотря на то, что сестрёнка рядом со мной, мне всё же не хватало другого, родного и близкого мне человека, ставшего почти частью меня. Мне не нужна была звезда из оперного театра, такая нарядная и идеальная, мне нужна была Наташа, моя Наташа, которая пела мне, пока я засыпал, сидя на кровати в своей рубашке с черепами, плела браслеты из верёвочек, собирала крышки от бутылок и банки из-под энергетиков, клеила на стены постеры рок-групп, прогуливала математику, прячась ото всех на крыше школы и начинала дирижировать каждый раз, когда кто-то включал музыку. Такая неидеальная, и в этом прекрасная, моя Наташа не была похожа ни на кого из тех, кого я знал: хрупкая, но гордая, робкая, но от этого не менее очаровательная моя Наташа, которая часто засыпала у меня на плече посреди урока, постоянно забыва-

ла тетради, одалживала у меня ручки, а потом теряла их – именно она была самым прекрасным, самым любимым и самым дорогим для меня человеком.

Опираясь о стены и пошатываясь я вышел на кухню. Простенькая, незамысловатая дешевая квартирка, доставшаяся нам с Алисой от бабушки, в темноте выглядела совсем незнакомо. Шаг за шагом я медленно двигался вдоль стены в попытке нащупать выключатель. Я боялся не темноты, а того, что может меня поджидать в этой самой темноте, что-то такое, о чём я даже не догадываюсь. Любое движение, будь то моя же тень или ветер, проникший через незаклеенные щели в деревянных окнах, заставляло меня трястись от страха. Как люди боятся всего неизвестного, так и я, не зная, что может таиться в самых тёмных уголках комнаты, каждый раз как в первый замирал в ужасе лишь от одной мысли о том, что же скрывает темнота.

А за окном лил дождь. Сотни, нет, тысячи больших, холодных капель летели с неба, а после, разбившись о стекло медленно сползали вниз, оставив всякую надежду когда-либо вновь вернуться обратно. Но они ведь вернутся. Не через день, не через два, но рано или поздно солнце высушит их своими лучами, и некогда отчаявшиеся и разбитые капли воды вознесутся, словно ангелы, на небо, чтобы снова упасть. Как восходит каждое утро солнце, как расцветает по весне кажется умерший цветок, так и дождь, что так отчаянно стучал мне в окна, когда-то снова станет облаком, которое так

же как и сегодня окрасит в розовый цвет алый закат. А потом снова пойдёт дождь. Если природа так стремится к цикличности, почему не могу хотеть этого же и я? Вернуться к тому моменту, когда я был счастлив, а если это невозможно, как невозможно солнцу вернуть прошлый закат, то хотя бы попытаться воссоздать то время, повторить тот момент, пусть и не в идеале. Ведь каждый закат прекрасен, а потому и неповторим.

Нащупав, наконец, выключатель, я зажёл маленькую лампочку, одиноко висевшую над столом и периодически моргающую. Что бы сделал любой другой человек, оказавшись на моём месте? Этого я не знал, но я знал, что хочу сделать я, и, отогнав сон и игнорируя сильную головную боль, взял в руки лист бумаги и карандаш, чтобы творить. Когда Творец создавал нас по своему образу и подобию, он наделил нас двумя самыми важными своими качествами: умением любить и способностью творить. Но без первого не может быть второго. Во имя любви люди писали стихи и песни, высекали скульптуры из камня и возводили храмы, во имя любви умирали герои и страдали поэты, ведь любовь это самая сокрушительная сила и самая большая слабость любого человека, и жить без неё невозможно. Любовь – это всё, что существовало, существует и когда-либо будет существовать, и это гораздо больше, чем просто чувство, ведь без любви не было бы ничего из того, что у нас есть, как и нас самих. Только человек, который может любить по-настоящему искренне и

безвозмездно, любить не за что-то, а просто так, понимая, что любовь – это дар, может творить, и только такой человек способен создать нечто прекрасное. Ни один поэт не познавший сути любви не сможет тронуть сердце читателя, ни один никогда не любивший художник не напишет по-настоящему живой картины, ни один писатель не сможет сочинить даже рассказа, если он никого не любил, ни один доктор не захочет помогать людям, если ему чужда любовь и если ты не можешь любить, то ты не сделаешь ничего из того, для чего был создан человек. Люди не верят, что любовь, такая искренняя и сильная, как в книгах, существует, но кому как не писателю стоит доверять в сфере, касающейся человеческих чувств? А книги – один из способов творить, перенося свои чувства на бумагу и делясь ими с персонажем, чтобы научить его любить, так же как любил когда-то автор. И если я тоже персонаж в чьей-то истории, то я могу лишь просить автора подарить нам с Наташей счастивый конец.

Сидя в полумраке на кухне я медленно водил карандашом по бумаге, старательно вырисовывая знакомые черты: аккуратный носик, тонкие губы, подведённые тёмными тенями глаза, короткие чёрные волосы, длинная чёлка и передние розвые пряди, а дальше шея с красующимися на ней цепями, узкие плечи... Ещё не до конца понимая что я делаю, я просто творил, творил что-то, что сильнее времени, и для чего не существует последних двух лет. Что будет, если посмотреть на время под другим углом? Ведь кто сказал, что это

время движется куда-то, а не мы движемся во времени так же, как в пространстве? Если отбросить привычное нам понятие времени, которое навязывает каждому из нас почти с рождения общество, можно понять, что это не время куда-то неумолимо бежит, а мы каждое мгновение нашей жизни совершаем маленькое путешествие по неукротимой реке времени, оставляя прошлую версию нас самих где-то позади. Обо всём этом можно размышлять вечно, вот только нам никогда не удастся осознать всю суть времени, как не могут понять трёхмерное пространство двумерные человечки. Время не подвластно ни философам, ни учёным, и даже Эйнштейн, отчаянно пытавшийся придумать теорию всего, в конце концов лишь развёл руками, словно показывая, что пока мы живём по законам времени, мы не сможем его обуздать, ведь иначе не было бы ни старости, ни смерти. Но то что мы не можем повернуть время вспять совсем не значит, что время сильнее чем мы, ведь любовь – главное оружие, все-таки в наших руках. И любовь сильнее времени, сильнее боли и сильнее самой смерти, а потому, даже если мы не можем повернуть время вспять, мы всё же можем творить, воссоздавая моменты, которые время пытается у нас забрать. И сегодня любовь дала мне силу творить, творить для того, чтобы снова услышать Наташино пение.

Глава 2

По-настоящему понять всю романтику осени могут только поэты. Для меня же осень всегда означала промокшие ботинки, простуду, холод и рецидив депрессии. Желтые листья, тонущие в грязных лужах, белые облака, заслонившие собой голубое небо, птицы, летящие на юг— всё это для меня никогда не имело ничего общего с чем-то прекрасным и романтичным. Я шёл, стараясь обходить лужи и грязь, но, судя по моим испачканным и наквозь промокшим ботинкам, получалось не слишком хорошо. Алиса осталась смотреть телевизор дома, чтобы, не дай бог, не простыть, а я, только получив пенсию, отправился в магазин за продуктами, и теперь, купив по максимуму всего, что только было нам нужно, чтобы не умереть от голода, возвращался к сестре. Я никогда не любил осень с её дождями, грязью и холодом. Природа, ещё не готовая встретить зиму, но уже распрощавшаяся с летом, тоскливо, словно девушка после расставания с любимым человеком, замирала, заставляя нас, людей, чувствовать всю ту печаль, что чувствует она сама. И всё же некоторые люди всегда находили в осени что-то романтическое, очаровательное, писали стихи про желтеющую листву деревьев, рисовали осенние пейзажи и, сидя на подоконнике, напевали песни, дирижируя себе в ритм дождя.

Я уже хотел было снова отдаться воспоминаниями, как

вдруг прямо за моей спиной раздался чей-то звонкий голос:

–Молодой человек, Вы это на кассе забыли!-невысокая девушка с длинными русыми волосами, держа в одной руке пачку гречневой крупы, а в другой зонт, смотрела на меня, часто моргая своими большими серыми глазами.-У Вас всё в порядке?

По её испуганному лицу можно было понять, что видок у меня и правда был не лучший, что, в целом, не удивительно – продолжительный голод и бессонные ночи давали о себе знать.

–Да-да, спасибо...-я протянул руку в попытке забрать свою покупку, но девушка, похоже, не собиралась мне ничего отдавать.

–Вам точно не нужна помощь? Я могу вызвать врача или...

–Всё со мной нормально,-перебил её я, однако она мне, кажется, по-прежнему не верила.

–Вы просто такой худой... И бледный. А ещё у Вас очень потерянный взгляд, вот я и подумала, мало ли что. Знаете,-она подошла почти вплотную ко мне, так что теперь мы оба стояли под зонтом,-я могу проводить Вас хотя бы до дома, а то мне страшно, что Вы потеряете сознание прямо здесь. А такое может быть! Я учусь в медицинском, так что знаю, о чём говорю, и у Вас, можно сказать, предобморочное состояние! А когда человек падает в обморок прямо на улице, он может упасть и разбить череп об асфальт, а это обыч-

но влечёт за собой смерть! Если Вы умрёте, знаете, кто-то ведь будет грустить! Вас же наверняка кто-то ждёт дома! А если и не ждёт, то Вы всё равно слишком молодой, чтобы прощаться с жизнью... Сколько Вам лет? Я уверена, что не больше тридцати... Ну тридцать пять максимум. Так вот, о чём это я...

Она всё говорила и говорила, стоя на мокром асфальте с пакетом гречки в руках, и от её громкого голоса и такой манеры речи, словно она рекламирует что-то на телевидении, а не предлагает мне помощь, у меня только сильнее разболелась голова.

—Мне девятнадцать,-прервал её монолог я,-и я в состоянии дойти до дома сам.

—Ой, да ты младше меня!-воскликнула она, резко перейдя на «ты».-Тогда я тем более должна помочь тебе! Я не переживу, если из-за меня маленький мальчик не доберётся домой...

От того, как резко незнакомка перешла с «Вам же не больше тридцати, ну, может тридцать пять» к «маленький мальчик» мне стало правда смешно, так что я тихо хихикнул, и она это заметила.

—О, вот так-то лучше! У тебя милая улыбка, сразу моложе выглядишь! А то ходишь хмурый, так и не поймёшь, ты то ли человек, то ли программист. Нет-нет, я не имею ничего против программистов, только не понимаю, почему они считают себя умнее нас, медиков. Вот сам посуди: когда у тебя болит

голова, ты пьёшь таблетку или идёшь программировать?

–Когда у меня болит голова,-уже начал раздражаться я,- я хочу находиться в тишине, а не выслушивать болтовню незнакомого мне человека.

На секунду лицо девушки помрачнело, но уже через мгновение в её глазах вспыхнул огонёк.

–Ага! Болит, всё-таки, голова? Тогда тебя точно надо проводить до дома, а то вдруг что..?

Уже не имея никаких сил ни возражать, ни спорить, я лишь молча кивнул и медленно пошёл в сторону дома. Честно говоря, у меня и правда было ощущение, словно я вот-вот потеряю сознание, но даже будь оно так, вряд ли бы мне как-то смогла помочь эта девушка. Скорее она сама заболтала бы меня до смерти, пытаясь нелепо шутить про программистов и называя меня маленьким мальчиком.

–Эй, ну чего ты так помрачнел? Я же развеселить тебя пытаюсь...-девочка попыталась заглянуть мне в лицо, но я отвернулся.

–Если хочешь проводить меня – можешь это сделать, но, пожалуйста, молча, юная медсестра,-холодно ответил я.

–Я не медсестра, я хирург!-воскликнула девушка, но, поняв мой хмурый взгляд, тут же успокоилась, замолчала.

Дальше мы шли в абсолютной тишине: я с двумя загруженными разными продуктами пакетами и она с пачкой гречневой крупы. Девушка-хирург молча плелась за мной, часто переставляя свои короткие ножки, чтобы не отстать, и

высоко держа зонт, закрывая меня от дождя. И зачем только она за мной увязалась? Неужели я выгляжу так немощно? Зачем она пыталась шутить и говорила всякие глупые вещи? Выглядел ли я так же в Наташиных глазах, когда провожал её домой? В первый раз, наверное, да.

Тот день был таким же холодным и пасмурным, как и сегодняшней. Небо роняло на землю большие прозрачные слёзы, листья с деревьев, пожелтев, падали в лужи, корабликами плавая по воде, а от осеннего холода не спасали ни заклеенные окна, ни вязаные бордовые жилетки – наша школьная форма. Сидеть на химии было моим самым нелюбимым занятием, а химия – тем предметом, который я бы с радостью убрал из школьной программы. Запоминать однообразные формулы, писать химические уравнения и решать задачи не было чем-то нужным и важным почти ни для кого из класса, кроме красавиц Иры и Сони, которые собирались поступать в медицинский колледж после десятого класса – после девятого их почему-то не взяли, и я не был уверен, что они поступят и на этот раз – слишком уж бурные переговоры они вели посреди урока, который им бы следовало внимательно слушать.

–Ир, передай записку Андрею,-громко шептала Соня, чтобы я, услышав своё имя, обернулся, и она могла попросить меня помочь с заданием.

–То, что Андрей носит очки, не значит, что он умный,-закатила глаза в ответ на просьбу подруги девчонка.-Он сам-

то ничего не написал ещё. Ему очки нужны только чтобы нефоршу лучше видеть.

«Нефоршей» у нас в классе называли Наташу, которая больше чем за месяц учёбы так ни с кем и не сдружилась, то ли из-за своего странного, мрачного стиля, то ли из-за стеснительности и необщительности. За всё время учёбы в нашем классе она разговаривала только со мной – тогда, на первое сентября, и с тех пор её голос был слышен лишь иногда на уроках, фразой «Я не знаю». Учителя Наташу тоже невзлюбили: ученица, которая постоянно засыпает, положив голову на парту, не знает ответа ни на один вопрос и слушает музыку на занятиях – совсем не тот персонаж, которого хотели бы видеть на своих уроках они. И только меня почему-то постоянно тянуло к ней. Это было не что-то, что можно объяснить логически, ведь Наташа не была похожа на модель из глянцевого журнала, да и харизматичной её было сложно назвать. Но всё же была какая-то прелесть в её бледной коже, вечно сонном и безэмоциональном лице, спутанных волосах и худых запястьях с красующимися на них фенечками. Наташа не была похожа ни на кого из тех, кого я знал раньше, и оттого казалась мне ещё более загадочной и удивительной. И то, как я на неё смотрел, со временем начали замечать сначала мои друзья, а потом и девочки, которые сидели за мной: Ира и Соня. И последние, в отличие от Гриши, моего лучшего друга, не просто подшучивали надо мной, а обсуждали нас с Наташей почти постоянно. Зачем им это было нужно,

я не понимал: сильно красивым или желанным парнем я бы себя не назвал, да и с Наташей мы не общались с того самого момента, как вернулись на линейку после короткого диалога на лестнице. И всё же сидя на химии девочки шептались именно о нас с ней.

–И что он в ней нашёл?-Соня артистично вздохнула, словно играла в каком-нибудь дешёвом фильме, а не сидела на уроке химии, безнадёжно пытаюсь сообразить хоть что-то.- Она же ну... Странная...

–Разум мужчин – мистическая тайна, никогда не поймёшь, что у них на уме,- снова закатила глаза Ира. Кажется, закатывать глаза было её любимым занятием.-Интересно, он признается Наташе..?

–Кстати, да!-уже чуть громче ответила ей подружка, словно она хотела быть уверенной, что я услышу каждое слово, что они сейчас скажут.-Было бы мило, если бы он, например, проводил её до дома...

–Да-да-да! У неё ведь такой тяжёлый портфель. Она бы оценила, если бы Андрей предложил ей помочь.

Под конец предложения Ира уже говорила почти во весь голос, так что слышал её совет не только я, но и учитель.

–Ирина, Софья, отложить разговоры на занятнях! Или вы желаете заняться уборкой кабинета после урока?

Девочки резко дёрнулись, а потом замотали головами:

–Нет-нет, простите, Виталий Михайлович!-Соня опустила голову, сделав вид, что что-то записывает, а потом, немно-

го наклонившись к соседке по парте, прошептала:-Надеюсь, Андрей понял наш намёк.

Ира лишь тихонько хмыкнула в ответ, и потом замолчала насовсем, показывая этим, что всё что хотела сказать, она уже сказала. Что за намёк я должен был понять и зачем они делают какие-то намёки я не соображал совсем: если они хотели, чтобы я проводил их до дома, почему не могли сказать об этом прямо? Любой парень из нашего класса был бы счастлив прогуляться с Ирой или Соней. А если они намекали на то, чтобы я предложил поднести портфель Наташе, то тут всё становилось ещё непонятнее: зачем им это вообще? Разве это не Ира постоянно смеялась с Наташиного стиля, и не Соня говорила, что ни один парень и не посмотрит в сторону Наташи, если она продолжит избегать людей? Но пусть мотивы красавиц мне были непонятны, то, что мне стоит подойти к Наташе, я понял наверняка – раз уже даже они говорили об этом, а потому, как только прозвенел звонок, я пулей метнулся на улицу, чтобы дождаться, когда Наташа выйдет из школы и я смогу поговорить с ней, не беспокоясь о толпах детей вокруг.

И Наташа вышла. Вышла в своей чёрной кожаной курточке и высоких ботфортах, глядя куда-то вниз и слушая музыку в наушниках, и, не обратив на меня никакого внимания, быстро направилась к калитке, отделяющей школьную территорию от старых грязных панельных домов, выстроенных рядами вдоль улиц.

–Наташа!-крикнул я, пытаюсь привлечь её внимание, но девочка никак не отреагировала: видимо музыка в её наушниках звучала слишком громко. Опасаясь, что сейчас она уйдёт и я уже не смогу её догнать, я, перепрыгнув сразу через несколько ступенек, схватил её за рюкзак и во всё горло закричал:-Наташа, давай я провожу тебя домой!

Остановилась не только Наташа. Остановились все. Остановились, глядя на меня так, что моему сердцу тоже захотелось остановиться. Но уже через секунду школьники двинулись дальше, смеясь с того, как я, крича на весь двор, предложил Наташе провести ее домой, и обсуждая, согласится ли она на это предложение. А я так и остался стоять, не отпуская Наташин портфель, так что девочке пришлось постараться, чтобы повернуться, посмотреть мне в лицо, а потом, сняв наушники, спросить:

–Что-что?

От того факта, что моё предложение слышали почти все, кто находился в тот момент на школьном дворе, но не та, к кому я обращался, мне стало невероятно смешно, так что я глупо хихикнул, а потом, осознав, как нелепо выгляжу, покраснел, и пробормотал себе под нос:

–Наташа, давай я тебя провожу.

Девочка нахмурилась:

–Я тебя правильно поняла? Ты хочешь проводить меня домой?

Её голос звучал тихо, но я, несмотря на шум вокруг, слы-

шал только его, как будто не существовало ни школы, ни орущих детей, ни смеющихся старшеклассников, ни ругающих кого-то учителей, ничего и никого кроме Наташи, которая стояла передо мной в своих странных ботфортах и смотрела так, словно я предложил ей совершить какое-то преступление мирового масштаба.

—Вообще-то да...-ещё тише ответил я.-Давай пойдём сегодня вместе?

—Ладно,-пожала плечами она.-Только свой портфель я понесу сама, а то ты в него вцепился так, как будто хочешь его украсть.

В тот день я впервые проводил её домой, глупо шутя и пытаюсь завести диалог, восхищаясь её чёрно-розовыми волосами и тихим, мягким голосом. И тогда холодная осень с её мрачными пейзажами, опавшими листьями и глубокими лужами отходила на второй план, а рыжие солнышки в Наташиных глазах согревали меня лучше, чем то солнце, что пряталось за тучами на небе. И уже через некоторое время молча идти с Наташей со школы стало почти традицией. Мы не разговаривали, не шутили, не обсуждали школу или одноклассников, но это молчание было приятнее, чем любые разговоры, и когда мы, стоило чему-то привлечь наше внимание, переглядывались, мне казалось, что мы читаем мысли друг друга и нам вовсе и не надо слов.

А сейчас всё было по-другому. Я шёл домой, но уже не со школы, и в руках нёс не портфели, а забитые продуктами

пакеты, да и девушка, которая шла рядом со мной, не была Наташей. Голова закружилась ещё сильнее, в глазах потемнело, звуки улицы стихли, и я почувствовал, как по всему моему телу медленно расползается странное чувство пустоты, словно из меня выжали всю жизнь, а потом, наполнив чем-то странно тёмным и тягучим, вернули на место мою пустую оболочку. Стоять на ногах стало невыносимо тяжело, колени согнулись сами по себе, а осознание, где я и что со мной происходит, полностью затерялось среди роя беспокойных мыслей, воспоминаний. Я отчаянно пытался открыть глаза, чтобы снова увидеть серое небо, жёлтые деревья и красный зонт девочки-хирурга, у которой я так и не спросил имя, но у меня ничего не выходило и всё что, я мог увидеть – лишь бесконечную пустоту, окружающую меня и захватывающую мой разум целиком и полностью. Последнее, что я почувствовал перед тем, как полностью потерять связь с миром – тёплые руки, обхватывающие меня сзади, не давая мне упасть.

Холод, пустота, боль где-то в районе живота. Я не ел слишком долго? Всё тело ломало, казалось, будто из моих вен выкачали всю кровь. Я не слышал и не видел ничего, и всё, что сейчас существовало для меня – тошнота и мерзкое ощущение где-то в верхней части тела. Я уже не чувствовал тёплых рук девушки, холодного осеннего ветра, земли под ногами, не чувствовал ничего, словно кто-то выключил моё сознание, отключил все органы чувств, и оставил мою душу болтаться где-то внутри пустого, почти безжизненного тела.

Перед глазами пролетели последние дни: тарелка овощного бульона, Алиса с зеркалом, старый телевизор, народный хор, Наташа... Моя самая светлая, но так и не сбывшаяся мечта. Помнит ли она сейчас, как в старшей школе мы хотели пожениться? Она тогда сказала, что на свадьбу наденет чёрное платье, ведь белые платья носят только дурочки вроде Иры с Соней. Почему же сейчас она изменила своё мнение? Почему теперь дирижирует хору стоя в белоснежном платье в пол? Что происходило в её жизни эти два года? И помнит ли она меня? Нет, вряд ли. Эта Наташа – Наташа из телевизора, не была той, кого я так отчаянно любил. Перед глазами возникла новая картина: стол, заваленный бумагой, почти сточенный карандаш, одинокая мигающая лампочка на потолке, шум дождя, головная боль, какие-то запутанные философские размышления – прошлая ночь, когда я, мучимый бессонницей, пошёл на кухню, и там, в полном одиночестве, предпринял первую попытку творить. Это не было чем-то великим, чем-то таким, каким я хотел бы это увидеть, но это уже был маленький шаг вперед – если сегодня я смог изобразить такие родные черты лица на бумаге, то стоит мне постараться, и я смогу сделать что-то, что не делал никто и никогда раньше.

Проблема современного мира в том, что люди, полагаясь на науку, отвергают силу человеческой души, словно души не существует вовсе, а мы – лишь песчинки в бескрайней Вселенной. Вот только это совсем не так, и каждый из нас

не песчинка, каждый из нас – Вселенная, огромная, запутанная, со своими маленькими тайнами и большими проблемами, катастрофами и победами, со своими особенностями. Мы все такие разные, но у каждого есть свой внутренний мир, не просто разум, а целый мир чувств, эмоций, переживаний, целый мир, не похожий ни на один другой, а потому смерть – не просто биологический процесс, а разрушение целой Вселенной. Ни один учёный никогда не сможет объяснить, как устроена человеческая душа, и поэтому весь современный прогресс бесполезен – пока человек не поймёт всех возможностей своей души он так и будет топтаться на месте, пытаясь при помощи глупой машины создать себе подобное, игнорируя то, что только способность души творить может помочь создать другую, некогда пропавшую Вселенную. Построить другого человека из своих воспоминаний, вдохнуть в него жизнь, отдав ему часть своего внутреннего мира – что-то невозможное для людей, полагающихся лишь на разум и отрицающих факт того, что каждый из нас почти что всемогущий.

Обрывки фраз, сказанных на каком-то непонятном мне языке (или это я забыл, как звучит мой родной язык?), капли воды, стекающие по моему лицу, удары по щекам, холод. Кажется, я медленно начал приходить в сознание. Я попытался открыть глаза ещё раз, и, словно сквозь чёрное облако, увидел обеспокоенное лицо девушки, склонившейся надо мной. Я не сразу сообразил, кто это и где я нахожусь,

и только спустя несколько минут почувствовал деревянные доски скамейки под моей спиной, осознал, что капли, разбивающиеся о мои очки и стекающие по лицу – это дождь. Видимо незнакомка, увязавшаяся за мной, была права, и я правда потерял сознание от голода прямо на улице. Я попытался сесть, но мой мозг еще не включился полностью, так что я так и остался лежать под дождём на скамейке, никак не реагируя на попытки девочки-хирурга привести меня в сознание. А попытки у неё, между прочим, были весьма болезненные.

–Хватит меня бить!–прохрипел я. Сказать это разборчиво вышло не с первого раза, но она всё же остановилась, наклонилась ближе, вопросительно глядя мне в глаза, так что я для ясности добавил:–Ты мне так и щёки отобьёшь, и зубы повыбиваешь.

Девушка на секунду непонимающе приподняла брови, а потом весело засмеялась:

–Ещё до конца в себя не пришёл, а уже шутишь! Мне бы такую стойкость. Нет, правда, это же восхитительно, с таким оптимизмом не пропадёшь. Если бы ты ещё не был таким упрямым... Боже мой, это хорошо что я за тобой пошла, а представь, если бы кто-то другой предложил тебе помощь, ты бы ему отказал, а он бы взял и ушёл! Всё, упал бы ты, разбился насмерть...–Она ненадолго замолчала, и я было обрадовался – монолог закончен – но, как оказалось, свою речь девушка прервала только чтобы набрать побольше воздуха в

лёгкие и продолжить:-Я, когда ты начал падать, сначала испугалась, а потом обрадовалась – поняла, что я была права! Я люблю, когда оказывается, что я была права, хотя, я думаю, все любят, когда они правы. Но вообще не об этом речь. Ты когда последний раз ел? Думаю, давно. Вот ты и грохнулся. А ты знаешь, как мне было тяжело дотащить тебя до скамейки? Ладно, даже не в этом дело, тебе надо срочно выпить сладкий чай. Ты дойдёшь до дома? Ты можешь подождать меня здесь, я тут недалеко живу, принесу тебе в термосе. Запиши мой номер на всякий случай. Тебе нужно попить, но не кушать. Главное полежи ещё немного, я сейчас...

–Мне надо идти,-перебил её я.-Меня сестра дома ждёт.

Я никогда раньше не перебивал людей, знал, что это невежливо, но выслушивать болтовню этой девушки мне вообще не хотелось – говорила она много, но смысла в её словах было мало. Такие люди как она всегда казались мне глупыми, но сейчас я был обязан ей жизнью, а потому и постарался выразаться как можно более вежливо:

–Я благодарен за помощь, но твоя болтовня сбивает меня с толку, поэтому я лучше дойду до дома сам.-Я немного приподнялся на локтях, и, убедившись, что не упаду снова, сел.-Мне надо спешить, я должен покормить младшую сестрёнку.

Лицо девушки помрачнело:

–Но я просто хочу тебе помочь... Ты выглядишь несчастным, а я не могу пройти мимо человека, который нуждается в помощи. Тем более я не так уж и много говорю, просто

хочу пообщаться. И где гарантия, что ты не упадёшь снова? Тебе далеко идти? Может вызовем такси?

—С чего вообще такое желание мне помочь?—я нахмурился. Теперь она выглядела в моих глазах не настолько глупо, насколько подозрительно.—Мы не знакомы, я даже не знаю как тебя зовут, зачем тебе помогать мне?

—Марина!—ответила девушка.—Я Марина, приятно познакомиться. Я учусь на четвёртом курсе медицинского университета и я не местная — приехала в ваш город четыре года назад, но так и не нашла друзей. Я люблю помогать людям, животным, у меня в комнате живет два котенка, а ещё нескольких я подкармливаю — только никому, пожалуйста. Люди считают меня странной, то ли потому что я слишком болтливая, то ли потому что слишком эмоциональная, то ли потому что очень часто витаю в облаках... Этого я не знаю. Но нельзя же становиться злыми из-за плохих поступков других людей! Я по-прежнему стараюсь со всеми дружить, даже если не получаю отдачи. А ты выглядишь как человек, которому нужны друзья, вот я и хочу попробовать с тобой как-нибудь...

—Ясно,—отмахнулся я: выслушивать печальную историю Марины мне не хотелось совсем.—Было приятно пообщаться и удачи тебе с поиском друзей, а я пошёл к сестре. До встречи.

Я развернулся и быстрым шагом направился в сторону дома, стараясь не оборачиваться, чтобы Марина, не дай бог, не

подумала, что я решил с ней поговорить. Вот только ей моё нежелание с ней общаться было непонятно, судя по тому, что стоило мне пойти, она двинулась за мной.

–Как тебя-то зовут хоть?-почти кричала она.-Дай мне свой номер, пожалуйста, я наберу тебя, вдруг тебе будет нужна помощь с сестрой...

Я остановился. Такая настойчивость со стороны девушки напрягала и даже пугала меня, так что мне не оставалось ничего, кроме как повернуться, и, тяжело вздохнув, сказать:

–Ладно, записывай.

–Спасибо большое!-лицо Марины озарилось улыбкой. Она достала бумажку и быстро записала продиктованные мною цифры, а потом, широко улыбнувшись, сказала:-Ладно, тогда до встречи! Передавай сестрёнке от меня привет!

Марина развернулась, помахала мне рукой, спрятала листик с моим номером в сумочку, а потом побежала, словно ребёнок, в сторону автобусной остановки. Без неё стало спокойно и тихо, даже голова почти перестала болеть, а дождь немного успокоился. Я шёл домой, неся пакеты с продуктами, стыдя себя за то, что я не додумался дать фальшивый номер, и надеясь, что этот гиперактивный кошмар мне никогда не позвонит.

Знакомый, родной мне дом стоял чуть отдельно от остальных, как бы на углу, и этим осенним днём выглядел ещё более одиноким. Ржавые качели, пустая детская площадка, верёвки натянутые между деревьями, на которых жители до-

ма вывешивали сушиться свою одежду – от всего этого веяло некой безысходностью, бескрайней тоской, словно вместе с летом ушла отсюда и жизнь, и даже лавочка, на которой обычно собирались все старушки, чтобы посплетничать, теперь пустовала. Поднявшись к двери я позвонил в домофон, но мне никто не ответил. Алиса никогда не отвечает на звонки, не открывает дверь – боится, что могут прийти грабители, что, вообще, довольно реально, учитывая в каком районе мы живём, и всё же я, раз за разом, звонил ей в дверь, надеясь, что однажды она признает, что за дверью её брат, и откроет мне. Найти ключи в кармане не было проблемой, как и войти в подъезд, теперь уже неся оба пакета в одной руке, в темноте по памяти дойти до квартиры, и, наконец оказаться дома.

–Андрей!-Алиса, плача бросилась мне на шею, так что я не секунду замер, не понимая, что происходит. Девочка рыдала так сильно, что, казалось, вот-вот захлебнётся в своих слезах:-Почему... Почему ты так долго ходил..? Я подумала тебя забрали...

–Кто же меня заберёт, глупышка!-я погладил девочку по спине свободной рукой, пытаюсь аккуратно поставить пакеты с продуктами на пол.-Я вернулся, видишь. Просто встретил надоедливую тётю по пути домой, поэтому немного задержался.

Я вкратце пересказал Алисе историю нашего с Мариной знакомства, параллельно выгружая на полки холодильника

купленные сегодня продукты, и представляя, как я, наконец, поем. Тело и правда ломило от голода, а голова невероятно сильно кружилась, так что мысль о тарелке тёплой каши меня невероятно радовала, и, когда я, завершив рассказ, повернулся к Алисе, я ожидал увидеть такую же улыбку на её лице. Но Алиса не улыбалась.

–Зачем ты с ней так? Она ведь хотела тебе помочь,–девочка выглядела раздосадованной.–Разве то что она много говорила это так плохо? Позвони ей и извинись.

Чего-чего, а такой реакции от сестры я не ожидал.

–Тебе не кажется это подозрительным,–только и смог ответить я,– что какая-то незнакомая девушка решает мне помочь, ещё и так навязчиво?

–Она же сама сказала, что у неё нет друзей, но она любит помогать,–не сдавалась Алиса.–К тому же ты и правда выглядишь как человек, которому нужна помощь. Не в обиду тебе сказано, но тебе бы стоило побольше кушать и высыпаться.

Я улыбнулся. Такая забота со стороны младшей сестрёнки всегда казалась мне чем-то милым и приятным, так что я решил не продолжать спор, а просто кивнуть, как бы говоря, что да, надо будет извиниться. Возможно я и правда повёл себя плохо по отношению к Марине, вот только общаться с ней у меня не было ни малейшего желания. Слишком уж приторно-сладкой казалась мне она, слишком тёплыми были её руки, слишком румяными щёки, слишком светлыми волосы и слишком не похожей на человека, с которым я бы

хотел связать всю свою жизнь, была она. И как бы добра, как болтовня и рядом не стояла с тишиной, которая сопровождала нас на каждой прогулке с моей любимой девушкой. Нет, Марина со своим вечным желанием кому-то помочь не была той, кто был нужен мне сейчас. Кто-то тихий, молчаливый, закрытый в себе, недоступный, словно цветочек эдельвейса на самой вершине горы, но такой родной – вот кого я сейчас искал, кого так хотел воссоздать из своей памяти, своих мыслей и чувств.

–Кстати об этом,-словно прочитав мои мысли, Алиса указала на стол, заваленный бумагой:-Неужели ты правда хочешь вернуть Наташу. Нет, я знаю, что ты по ней скучаешь, но чтобы настолько, что готов пожертвовать своей свободой, а может даже и жизнью...

–Чего?-переспросил я. Слова сестры не на шутку меня напугали – до этого я вообще не думал о рисках, последствиях и прочих вещах.-Почему это пожертвовать жизнью?

Девочка резко подскочила, а потом, схватив зеркало, что-то прошептала, приложила ухо к стеклу, и, с таким лицом, словно ей поведали тайну мироздания, посмотрела на меня.

–Людам не понравится, если ты откроешь тайну сотворения. Они верят только в науку, а то, что собираешься сделать ты, опровергает все их законы. И всё, что не подходит под их понимание мира, считается болезнью и должно быть уничтожено.

Глава 3

Если смотреть на время как на бесконечное полотно, на котором тонкими линиями расположены миллиарды сюжетов нашей жизни, переплетаясь и расходясь, то передвижения во времени кажутся не такими уж невозможными. Ведь время – это тоже пространство, непонятное нам четвёртое измерение, пусть неподвластное человеку, но всё же реальное. Наше физическое тело не может понять время или сопротивляться ему. Запертые в трёхмерной оболочке, мы считаем его чем-то неукротимым, всемогущим. Вот только человек – не только его тело, и то, что мы не можем увидеть, сильнее чем время. Такое же непонятное, абстрактное, отвергаемое людьми, но всё же неизмеримо могущественное, то, что не просто живёт внутри нас, то, чем мы являемся – наша душа. Не прямохождение, не речь, не способность трудиться отличает человека от животного, а его душа. Только наша душа может понять время, ведь они сделаны из одной и той же, неосязаемой для нас, материи. И всё же, чтобы покорить время нашей душе, нужно что-то наподобие топлива, что-то, что зажжёт этот огонь в душе, позволив ей получить контроль над временем. Любовь.

Понятие любви в современном мире очень искажено, а фраза «Я люблю тебя» звучит из каждого утюга. Что для людей любовь? Осознают ли они всю её силу в полной мере?

Наверяд ли. Большинству сейчас не знакома искренняя, чистая, самоотверженная и безусловная любовь, такая, которая сильнее даже самой смерти и которая способна сотворить жизнь из ничего. Если Бог – есть любовь, не значит ли это, что именно благодаря любви был создан наш мир, как и все мы? Сейчас же люди говорят, что любовь причиняет им лишь боль, не понимая, что боль они чувствуют не от любви, а от её отсутствия. Если бы все люди в мире любили друг друга, было бы кому-то больно, страшно, одиноко? Разве причина разбитого сердца в любви, а не в её отсутствии? Все слёзы, пролитые школьницами из-за мальчиков, вся боль расставаний, вся печаль одиночества – это не от любви, а от того, что люди не умеют любить. Пока учёные заявляют, что любовь живёт три года, настоящая любовь живёт вечно, ведь любви нет дела до людей, пытающихся понять устройство мира. Наука никогда не объяснит ни любовь, ни время правильно, и потому люди, слепо верящие во всё, что им говорят, вечно будут игнорировать всё великолепие любви, ставя её в один ряд со всеми другими чувствами. Любовь – не просто слово, не просто чувство, не просто что-то, о чём пишут книги и песни. Любовь – это всё то прекрасное, что нас окружает, вся жизнь, весь мир. И только любовь способна дать нам силу творить.

Каждый раз когда мы что-то вспоминаем, наша душа совершает маленькое путешествие во времени, перемещаясь в тот момент и проживая его по-новому. Каждый раз когда мы

думаем «а если бы я поступил по-другому...» душа пытается заглянуть в соседнее, другое ответвление жизненного сюжета на полотне времени. Но как бы нам этого ни хотелось, заглянуть туда пока что не удавалось никому. «Изменить прошлое нельзя» – качают головами люди. Однако это даже более, чем реально, и если понять время как нечто целостное, единое, где нет ни прошлого, ни будущего, то время становится почти что осязаемым. Каждое, даже самое незначительное наше действие способствует зарождению новой Вселенной на полотне времени. И если верить – а я верю – в то, что существует бесконечное количество Вселенных, построенных лишь на наших решениях, значит где-то до сих пор существует моя грустная, тихая, но такая прекрасная Наташа. Создать кого-то из ничего может только Бог. Создать кого-то из кусочков времени, любви и собственной души может любой человек, в сердце которого живёт любовь.

Под вечер творить становится легче. Когда тело, устав за день, прекращает сопротивляться попыткам души выйти за рамки обычного пространства, мы начинаем понимать время чуть лучше. Сидя на кухне, уперев в лист карандаш, я пытался сообразить, что мне нужно делать теперь. Уже неделю я работал над чем-то без названия и обозначения, над чем-то, что было бы инновационным, но при этом доступным только мне. Суть того, что я хотел сделать, я начинал понимать постепенно, со временем, словно кто-то вкладывал понимание этого в мою голову, и потому даже сейчас я ещё не

мог ответить на все вопросы сестры, сидящей рядом.

–Ты хочешь соединить Вселенные в одну или переместить своё сознание в другую?–Алиса наклонила голову и зевнула.–Или как ты собираешься перенести её сквозь время?

–Малыш, иди спи,–я устало улыбнулся.–Ты же видишь, я работаю.

–Ага,–девочка разочаровано вздохнула.–Пойду. Включи телевизор только.

Я поднялся из-за стола, и, держась руками за стены, прошёл в комнату. Уже седьмой день подряд я включаю телевизор, в надежде снова увидеть там народный хор, белое платье, рыжие кудри... Но по первому каналу в это время теперь идёт какой-то глупый сериал то ли про любовь, то ли про войну – смотреть его я всё равно не хочу, да и в это время Алисе нужно слушать колыбельную и ложиться спать.

–Андрей, а чего ты не идёшь спать?–сестра залезла на диван, и, укутавшись в плед, уставилась в телевизор.–Ты так много работаешь над этой ерундой... Девочка из зеркала говорит, что это опасно. Ты можешь переутомиться или, ещё хуже, потратить слишком много энергии на это всё, так что в итоге тебя самого не станет...

–Не беспокойся, со мной всё будет в порядке,–заверил девочку я.–Я уже взрослый, сам с этим всем разберусь.

Вернувшись на кухню я сел за стол, заварил ромашковый чай, и, изучая десятки исписанных листов бумаги, думал о Наташе. Каковы шансы, что я смогу воссоздать не только её

образ, но и физическую оболочку? Ведь наш мир только на малую долю состоит из материи, всё остальное – энергия, нечто неосязаемое, нечто, что я могу пронести сквозь время. Наверное могу. Последние несколько дней я пытался попасть в то измерение, которое люди называют временем, чтобы в состоянии между сном и реальностью ухватить упущенный момент за ниточку, но каждый раз у меня не получалось и я проваливался в сон, стоило мне сомкнуть глаза. И всё же я чувствовал, что Наташа где-то рядом, будто бы она уже была здесь – в каждой молекуле, в каждом атоме, я ощущал её присутствие как нельзя лучше, и иногда мне казалось, что я даже слышал её пение. И если моя Наташа смогла пройти сквозь время, то совсем скоро я смогу увидеть её зелёные, с рыжими солнышками, глаза, услышать мягкий, тёплый голос, погладить её по чёрным волнистым волосам с розовыми длинными прядями... Скоро я смогу всё, а пока что мне нужно стараться как можно сильнее, чтобы достать её из того тонкого мира между сном и реальностью, между всем, что существует и тем, чего никогда не было и уже не будет. Я снял очки и потёр глаза. Голова ужасно кружилась, впрочем, как и всегда. Из комнаты звучала колыбельная, так что меня самого тоже начало клонить в сон. Не в силах сопротивляться, я положил голову а стол, и, кажется, почти сразу задремал.

В кухне было темно. Единственная лампочка, так долго служившая нам в качестве источника света, теперь перепо-

рела, и только оранжевый фонарь за окном позволял мне видеть хоть что-то: старый стеклянный сервант, деревянный, без скатерти, стол, большой зелёный ковёр на полу, грязную газовую плиту, обклеенный наклейками из йогуртов холодильник и множество листов бумаги, исписанных вдоль и поперёк рассуждениями о времени и любви, изрисованных десятками схем и украшенных изображениями самой прекрасной девушки на свете. Я попытался разглядеть одну из нарисованных мной в тетради схем, но перед глазами всё плыло, так что я не мог разобрать ни одного слова, а буквы и вовсе словно специально меняли размер и форму, прыгая с место на место. Разочарованный, я отбросил тетрадь назад и уже готов был пойти спать – раз уж от долгих бессонных ночей я не мог даже прочесть то, что написал раньше, – как вдруг услышал голос откуда-то из темноты, из самого далёкого угла кухни:

– Ты писал там что-то про то, что мы состоим из энергии, а материя – лишь дополнение к нашей жизни, и что если человек научится управлять энергией, он станет всемогущим.

Этот голос я бы узнал из миллиона. Тихий, мягкий, нежный, тёплый, как майский день, спасительный для меня, словно глоток воды в пустыне, такой родной, самый прекрасный, её голос, ради которого я готов был пойти на всё. Я медленно повернул сначала голову, а потом и всё тело, опасаясь, что знакомый образ в дальнем углу комнаты исчезнет, растворится в воздухе и смешается с темнотой. Но она не ис-

чезла. Худая, бледная, с волнистыми чёрными волосами до плеч, повзрослевшая и изменившаяся, но всё такая же неповторимая, необыкновенная и волшебная, как и раньше. Такую Наташу я любил, по такой Наташе я скучал, именно такую, пусть и поменявшуюся со школы, но всё ещё необыкновенно чудесную Наташу я хотел видеть рядом с собой всегда. Я замер посреди комнаты, не в силах пошевелиться или сказать что-то, и просто молчал, глядя на стоящую в углу девушку.

–У тебя столбняк?-своим привычным тоном поинтересовалась девушка, и я уловил ту самую любимую мной нотку сарказма.

–Нет, просто... Просто...-прохрипел я, пытаюсь сказать хоть что-то связное, но у меня в голове происходило необъяснимое, а все слова спутались:-Наташа, почему ты тут..? Как ты тут..?

Брюнетка слегка приподняла одну бровь, посмотрела мне в глаза, и, наконец, ответила:

–Мы год как женаты, Андрей.

Я в изумлении замер, не отводя взгляда от Наташи, стоящей напротив в углу, там, где даже оранжевый свет от фонаря не мог её достать. И всё же я видел её – то ли мои глаза привыкли к темноте, то ли она была для меня ярче любой звезды, так что я мог разглядеть её даже в крошечной тьме. Мысли, словно рой пчёл, беспокойно кружились в моей голове. В этот момент чувства полностью взяли контроль над

моим разумом, и я, впервые за долгое время, почувствовал себя по-настоящему счастливым. Если я здесь, а рядом со мной моя Наташа, нужно ли мне что-то ещё? Я потянулся к ней, но она резко сделала пару шагов назад и, столкнувшись со стеной, покачала головой:

–Только не в твоей реальности. В твоей реальности мы выбрали другие пути.

По моему телу пробежал неприятный холод, колени подкосились, в ушах снова зазвенело. Что всё это значит? Глаза предательски намокли, и я почувствовал, как маленькая солёная капелька медленно стекает по моей щеке. Какая-то часть меня уже начинала понимать, что всё, что я вижу, не имеет ничего общего с реальностью, но я сознательно отрицал эти мысли, гнал их от себя, как гонит пастух волков, как гонят вражескую армию со своей территории, прогонял любые мысли о том что нас с Наташей, таких, какими мы были в старшей школе, уже нет и никогда не будет. Я не хотел, просто не хотел верить в то, что все те планы, что мы строили, сидя на кровати у Наташи дома, уже никогда не будут реализованы. И мы никогда не переедем в горы, никогда не выпустим свой музыкальный альбом, никогда не отдохнём на море вместе, не заведём чёрную кошку, не назовём своих детей Дианой и Димой – ничего из того, о чём мы мечтали уже никогда не сбудется. Я уже не сдерживал слёз, и, срываясь на крик, отчаянно пытался доказать что-то себе самому:

–Почему не в моей? Почему? Разве не я сам определяю

реальность?-мой голос хрипел, но я его едва ли слышал из-за жуткого звона в ушах.-Разве я не могу сделать так, чтобы мы всегда просыпались вместе? Разве не могу изменить реальность, если эта реальность моя и принадлежит только мне? Мне ничего не надо, ничего, только чтобы Наташа была моей...

Путаясь в словах и постоянно запинаясь я всё же продолжал говорить всё, что придёт в голову. Наташа меня, кажется, уже даже не слушала, просто улыбалась своей немного наглой, неяркой, но запоминающейся улыбкой, глядя куда-то в пустоту. Мне хотелось схватить её, прижать к себе, не позволить исчезнуть в темноте комнаты, но стоило мне сделать шаг в её сторону, как расстояние между нами увеличивалось, словно Вселенная расширялась, специально дразня меня: «Ещё немного! Ещё один шагок, ну же!» Сквозь слёзы, звон в ушах и стук своего сердца я слышал ещё один голос – такой же родной, но не Наташин. Голос звал меня по имени откуда-то из другого мира, уничтожая темноту комнаты, перебивая мои попытки бежать вперёд и медленно стирая, превращая в дым, стоящую передо мной девушку.

–Андрей, что с тобой!-голос звучал почти в моей голове.-Андрей! Проснись, Андрей!

Но я не хотел просыпаться. Не хотел открывать глаза, позволив сну уйти и уже не вернуться. Я не мог позволить Наташе исчезнуть, снова оставив меня одного, особенно после того, как она была так близко, совсем рядом, на расстоянии вы-

тянутой руки. Я судорожно хватался за уходящий сон, но он словно специально выскользывал из моих рук, таял на кончиках пальцев и уходил в небытие, а свет растворял темноту перед моими глазами.

—Андрей!-звонкий детский голос тянул меня из сна куда-то на поверхность, прогоняя сладкие грёзы, и я уже не мог сопротивляться.

Я медленно открыл глаза. Я всё так же находился в кухне, но уже в освещённой – лампочка работала как надо. Это была та же комната, тот же деревянный стол без скатерти, на котором я лежал, тот же зелёный пыльный ковёр на полу, тот же стеклянный сервант, который поставила сюда, наверное, наша прабабушка... Но не было ни темноты, ни девушки, прячущейся в этой самой темноте. Ещё не полностью проснувшись и не до конца соображая, что я собираюсь делать, я вскочил на ноги и со всей силы ударил мигающую лампочку, свисающую на проводе с потолка, так что та отлетела, ударилась о потолок, моргнула в последний раз и разлетелась вдребезги. В комнату вернулась темнота. Я резко обернулся, посмотрев в угол, где раньше стояла худая, бледная девушка, которую я так мечтал увидеть, но, пусть я и вернул в комнату темноту, её там не было.

—Андрей, что происходит?-повторил тот же голос, что звал меня, вытягивал из сна.-Мне страшно.

Моё сердце бешено заколотилось, стоило мне опустить голову и увидеть низкую блондинку, стоящую рядом в своей

ночной рубашке и смотревшую испуганными голубыми глазами мне в лицо. От одной мысли о том, что я мог напугать свою сестру, мне стало не по себе.

–Алиса...-на секунду я замялся.-Почему ты не спишь? Уже ведь поздно, да и колыбельная закончилась.

Девочка на мгновение замерла, обдумывая мои слова, а потом, всхлипывая, бросилась мне на шею, обнимая меня так крепко, как будто боялась, что я исчезну.

–Ты плакал,-хныкала Алиса, сжимая меня так, что становилось трудно дышать. И откуда у маленькой девочки столько силы?-Плакал и что-то кричал во сне... Я проснулась и мне стало страшно. Тебе снился кошмар?

Снился ли мне кошмар? Вопрос сложный. Можно ли назвать сон, где моя любимая девушка, такая, какой я любил её больше всего, сейчас рядом, кошмаром? Если я видел её: её волнистые чёрные волосы, маленькие губы, тонкие запястья, бледные щёки, то мог ли я быть напуган этим? Нет, этот сон был кошмаром не из-за того, что я был рядом с ней, а из-за того, что её не было рядом со мной, и, как бы я не пытался, я не могу даже прикоснуться к ней. «Мы с ней стали совсем чужими»,-промелькнуло у меня в голове. По телу пробежал неприятный холод. Как мне сделать так, чтобы мне не приходилось страдать от того, что её нет рядом? Если она уже была в моём сне, значит ли это, что для того чтобы перенести её сюда, в мою реальность, мне понадобится приложить лишь немного усилий? Или наоборот теперь мне нужно неизмери-

мо много стараться лишь для того, чтобы преодолеть ту бесконечно расширяющуюся пропасть между нами?

–Андрей, всё в порядке?–сестра наконец отпустила меня и села за стол.–Ты выглядишь очень, очень грустным...

–Да, всё нормально,–махнул рукой я.–Обычный сон, с кем не бывает... Спасибо за беспокойство, конечно, но всё будет хорошо, так что беги спать. Если нужно, я могу спеть тебе колыбельную,–я старался говорить как можно спокойнее, но голос предательски дрожал, а капли пота, стекающие по моему лицу, давали понять, что я ни капли не спокоен.

–Можно я посижу с тобой здесь, пожалуйста?–Алиса нервно потеребила прядь волос, в свете фонаря кажущуюся рыжей.–Я вообще не хочу спать, и не хочу оставлять тебя одного. Ты здесь пытаешься провести какие-то махинации с пространством и временем, а Девочка из зеркала говорит, что это очень опасно.

–Хорошо, можешь посидеть,–согласился я. Сил на споры у меня не оставалось.–Передай Девочке из зеркала, что со мной всё будет хорошо.

–А с Наташей?–внезапно спросила сестра.

–Что с Наташей?–слова Алисы не были мне понятны, но всё же почему-то заставили меня волноваться.–Что может произойти с Наташей?

–Ну...–девочка потянулась и зевнула.–Ты же хочешь, чтобы Наташа, такая, какой ты помнишь её со школы, была здесь? Но здесь уже есть Наташа – та, из телевизора. Две На-

таши быть не может, кем-то из них тебе придётся пожертвовать.

Слова девочки, словно самый острый нож, пронзили меня насквозь. Как я мог не учесть этого? Почему Девочка из зеркала и моя двенадцатилетняя сестрёнка оказались умнее, чем я? И что мне теперь делать? Я судорожно перебирал в голове все варианты, но ни один из них не подходил мне, какими бы идеальными они мне не казались раньше. Две Наташи быть не может, а поэтому, если я собираюсь вернуть Наташу такой, какой я её любил, то её нынешняя рыжеволосая версия попросту исчезнет, что повлечёт за собой целый ряд проблем, ведь не может звезда оперного театра вот так взять и испариться. Я быстро пересматривал одну за другой бумажки, лежащие на столе, стараясь понять, что мне делать теперь. Ни одна из написанных мной теорий, ни одна из нарисованных мною схем, и ни один из планов действий теперь мне не подходил и не был нужен. Как я мог не учесть, что чтобы что-то взять у Вселенной, мне придётся ей что-то отдать? И если я собирался играть со временем, мне и правда стоило быть осторожнее и внимательнее.

—И что же мне теперь делать?—я задал вопрос то ли Алисе, то ли самому себе, хотя и знал, что ответ на него получу вряд ли. Но я получил.

—Надо подойти основательнее,—с умным видом, будто она была каким-то кандидатом наук, а не моей младшей сестрой, заявила Алиса.—Девочка из зеркала говорила, что если ты хо-

чешь изменить что-то в настоящем, то нужно начать с прошлого. Переписать историю ваших отношений. Все изменения в судьбе – снежный ком, они накапливаются постепенно, так что изменить что-то одно мало, чтобы создать свой идеальный мир.

–А эта... Девочка из зеркала что-то ещё говорила?-на всякий случай уточнил я. Слушать больного ребёнка, возможно, было не лучшим решением, но сейчас её слова были лишены смысла и правда могли мне помочь. Ведь что было бы, если бы та Наташа из сна оказалась здесь прямо сейчас? Признал бы в ней кто-то в это время пропавшего хормейстера из оперного- театра? Как бы она смирилась с моей реальностью? Нашла бы тут место или тоже ушла от меня?

Я посмотрел на сестру, но она уже спала, положив голову на стол. Так странно – раньше она никогда не засыпала без колыбельной. Видимо и правда повзрослела. Взяв её на руки, я медленно и аккуратно, чтобы ненароком не разбудить, отнёс её в комнату, и, положив на диван, сел рядом. Переписать прошлое – то, о чём мечтают многие люди. Исправить какую-то ошибку, вернуть близкого человека, выбрать другое будущее для себя, а значит и для целой Вселенной – всё это кажется людям чем-то привлекательным, но невозможным, нереальным, как ковёр-самолёт, волшебная палочка и прочая атрибутика из детских сказок. Вот только для того, чтобы вернуться назад, не нужна машина времени, нужна лишь память, любовь и вера, и если приложить нужное количество

усилий, всё получится. Переписать всё, что я помню, а затем и прожить это заново – вот что я собирался сделать сейчас. Отправиться в путешествие по памяти, чтобы отловить лис в винограднике ещё лисятами, не допустить того, чтобы мелкие ссоры с лучшей девушкой на свете позже привели к нашему с ней расставанию. Сделать так, чтобы рядом со мной она всегда чувствовала себя самой счастливой на свете, так, чтобы ей не захотелось оставлять меня. И для этого надо изменить, наверное, всё, начиная с того самого момента, как мы стали парой.

Всё это изначально было каким-то странным, глупым, неправильным. На тот момент я провожал Наташу домой почти каждый день, и она даже разрешала мне нести её портфель, но не брать её за руку – она не любила прикосновения, и те минуты, когда мы, переступая через лужи, шагали к её дому, я был по-настоящему счастлив. Мне не нужно было разговоров, не нужно было поцелуев на прощание, не нужно было долгих и крепкий объятий, просто идти рядом с ней, запоминая каждое её движение, каждый шаг, каждый выдох. Я хотел, чтобы она навсегда осталась в моей памяти, поселилась где-то глубоко в моём сердце, так, чтобы я уже никогда не мог её потерять. Той осенью я мог только мечтать о том, чтобы быть ей кем-то большим, чем просто мальчигом, который провожает её до дома каждый день кроме среды – в среду она уходила раньше всех, не оставалась на физкультуру. Но со временем всё стало меняться. Золотая осень, с

горящими листьями на деревьях, гроздьями рябин, прозрачными лужами и редкими солнечными днями ушла, уступив место ещё более холодной, с инеем на веточках деревьев, гнилыми листьями под тонким слоем снега, скользкими дорогами, посыпанными песком, короткими днями и длинными, тёмными ночами, зиме. С начала того декабря я потерял возможность идти до дома вместе с Наташей, потому что теперь она ехала домой на такси, а напрашиваться ехать с ней было бы не только некрасиво, но и попросту глупо. И уже через несколько дней мне стало чертовски не хватать наших с ней прогулок. Я начал скучать, и, пускай мы виделись с ней каждый день в школе, этого было невероятно мало. Я не хотел видеть её лишь иногда, оборачиваясь на уроке или проходя в сотый раз мимо самого тёмного уголка в коридоре, куда она забивалась и слушала музыку на перемене. Я хотел видеть её всегда. Просто видеть – разве многое мне было нужно? Каждый раз, когда я краем глаза замечал её где-то на улице, видел короткие волнистые чёрные волосы с длинными розовыми прядями, тёмно-синее замшевое пальто, высокие кожаные сапоги с шипами, слышал как она тихо, себе под нос, напевает мотив какой-то незнакомой мне песни, странно помахивая рукой туда-сюда, мне хотелось подойти к ней, предложить пройтись по холодным улицам, заглянуть в пекарню, выпить по кружечке горячего шоколада с маленькими тёплыми булочками, забраться на крышу девятиэтажки и смотреть на глупых, маленьких, вечно куда-то спешащих

людей. Мне хотелось, но я не подходил – боялся, что она мне откажет, и я останусь один со своими разбитыми мечтами. А лишиться мечты – худшее из всего, что может случиться с человеком.

Но несмотря на холод и ужасную погоду Наташа продолжала ходить в музыкальную школу. Каждый день после школы, зайдя домой только для того, чтобы пообедать, она брала свой портфель, обклеенный блёстками и забитый учебниками по сольфеджио, вместе с кучей сборников с разными произведениями для фортепиано, надевала свою любимую короткую юбку, которую ей запрещали носить в школу, и шла, игнорируя холод, на занятия. А я всегда издалека наблюдал за ней, чтобы в случае чего помочь – район в котором мы жили был не слишком безопасным. И каждый раз, когда Наташа шла через железную дорогу к невысокому зданию, выкрашенному в светлый персиковый цвет, я уже ждал её по другую сторону рельсов, чтобы потом пройти вслед за ней, держась на достаточном расстоянии, чтобы она не могла меня заметить, и представляя, что она не где-то впереди, а здесь, рядом со мной, идёт, напевая себе под нос какую-то неизвестную мне песенку.

А если мы чего-то очень хотим, то Вселенная обязательно даёт нам шанс это получить. В тот вторник я остался в школе подольше – слишком увлёкся чтением книги, так что и не заметил, что все ушли. Я любил забираться в тёмный уголок, где обычно сидела Наташа на переменах, когда её там не бы-

ло и, вдыхая запах её духов, которым был пропитан воздух в этой чати коридора, представлять её рядом с собой, читая очередную глупую книжку. Современная литература раздражала меня, но так как все обсуждали именно её, я не мог ничего поделаться и мне приходилось читать дешёвые романы с одинаковым сюжетом. Если бы я был персонажем книги, про что бы она была? Наверное, про любовь. Про мою любовь к Наташе, про желание быть с ней вечно, про мечты о том, что однажды мы станем семьёй, родим детей, заведём чёрного котика и переедем куда-то очень далеко отсюда. Я устало запихнул книгу в портфель и, пробежавшись по лестнице, выскользнул из пустой школы на улицу. Был вторник, а значит у Наташи было два урока сольфеджио и одно занятие по фортепиано. Глянув на часы и осознав, что она уже ушла в музыкальную школу, а выйдет оттуда только через полтора часа, я решил занять это время чем-то более волнующим меня сейчас, чем домашнее задание, а потому, не заходя домой, я сразу направился в ближайший цветочный магазин. Как бы сильно я не боялся, я всё же понимал, что однажды мне придётся признаться Наташе в своих чувствах, ведь просто смотреть на неё издали — хоть и достаточно, но всё же так мало. «Кто не рискует, тот и не пьёт!» — говорил каждый раз мне Гриша, когда я боялся сделать что-то. Ведь кто сказал, что если я признаюсь Наташе, она не примет мои чувства и будет меня презирать? А что если она ответит взаимностью? При мысли об этом моё сердце начинало биться в

сотни раз быстрее, а на лице расцветала улыбка, но я старался не обнадеживать себя попусту и гнать их как можно дальше, чтобы не слишком разочароваться в случае отказа. Но, каким бы не был исход, мне надо было действовать, и, только зайдя в цветочный магазин, я на одном дыхании выпалил:

–Можно, пожалуйста, букет хризантем, белых, пожалуйста, и как-нибудь красиво упакуйте, пожалуйста!

–Какой ты вежливый!-усмехнулась работница магазина – приятная низкая бабулечка.-И кто же эта счастливица?

Поняв, что я явно переборщил со словом пожалуйста, я смущённо хихикнул, потоптался с ноги на ногу, и, наконец ответил на заданный мне вопрос:

–Девочка со школы... Она не любит розы, писала об этом в дневнике... Нет, я не читаю её дневник,-быстро замахал руками я, поняв, что мои слова могли прозвучать странно,-просто я нашёл его на коридоре, решил узнать чей он, чтобы отнести владельцу, а там на первой странице была анкета: имя, возраст, любимый и нелюбимый фильм, блюдо, цветок...

Бабуля лишь улыбнулась, а потом, протянув мне роскошный букет и назвав цену, достала из ящика стола небольшую шоколадку в виде сердечка.

–Подари ей это, она обрадуется, мы, девочки, такое любим,-она задумчиво посмотрела куда-то вдаль, точно так же как моя бабушка, когда вспоминала молодость.-И главное, помни, будь с ней искренним. Не пытайся казаться кем-то

другим, будь таким, какой ты есть. Если ты хочешь, чтобы она любила тебя, не обманывай её.

–Спасибо,-я положил шоколадку в карман джинсов,-и за шоколадку, и за совет.

С цветами в руках и шоколадным сердечком в кармане я направился к музыкальной школе. Ещё час. Час сомнений и страхов, час опасений, вдруг она любит кого-то другого? Час перед тем как я самостоятельно приму одно из важнейших решений в моей жизни. Час на холоде рядом с музыкальной школой, с хризантемами в руках и волнением в груди. А небо тем временем уже потемнело. Медленно зажигались рыжие фонари вдоль скользких дорог, а блёстки-снежинки, отражая их свет, окрашивались в оранжевый цвет, сине-фиолетовые тучи роняли на землю редкие белоснежные хлопья, а одна за другой загорались, словно кто-то запустил чудесный механизм. Мне не нравилась такая погода, не нравились зима, не нравился холод и снежинки, липнущие к очкам, из-за чего становилось сложно видеть, но я не мог отрицать, что во всём этом была и своеобразная романтика. И пускай мои руки замёрзли, а ноги дрожали от волнения, я мог понять эту странную красоту зимы, которая чем-то напоминала мне красоту девушки, которой я собирался признаться в любви сегодня – такая же холодная, непонятная, необыкновенная, но чарующая, завораживающая.

Темнота, холод, музыка льющаяся из окон невысокого здания, около которого я ошивался уже час. Издалека мог-

ло показаться, что звуки, доносящиеся изнутри – какая-то несуразная кокофония, но если подойти ближе и прислушаться, то можно было услышать десятки разных мелодий, не похожих друг на друга. Пение хора, чья-то игра на скрипке, звуки фортепиано... Словно за ниточки я по очереди хватался за мелодии, пытаюсь услышать ту самую «Лунную сонату», которую ещё с начала зимы пыталась выучить Наташа, о чём я узнал от Любы, сообщившей нам с Гришей, что Наташа собирается выступить на выпускном с этой самой сонатой, и, конечно, добавив, что получается у неё не слишком хорошо. Но мне было плевать на слова Любы, как и на её попытки хоть кому-то понравиться, и в тот день, стоило мне вернуться домой, я нашёл у бабушки кассету с музыкой Бетховена, и до самого вечера слушал, представляя, что это играет мне Наташа и мечтая услышать «Лунную сонату» в её исполнении вживую. И вот, медленно идя вдоль стен музыкальной школы, осторожно заглядывая в каждое окошко, я искал взглядом знакомую фигуру, вслушиваясь в каждую нотку, что доносилась до моих ушей. И я нашёл то, что искал. В маленьком слабоосвещённом кабинете, увешанном разными грамотами и дипломами, на деревянной табуретке сидела Наташа, положив руки на клавиши фортепиано, но не играя, а что-то говоря женщине стоящей рядом, судя по всему её преподавательнице. За громким пением какого-то юного музыканта в соседнем кабинете я не мог услышать, о чём именно она говорила, но судя по её лицу она рассказыва-

ла что-то не слишком приятное. Я удивлённо замер прямо напротив окна и, уже не прячась, смотрел на то, как безэмоциональная и холодная обычно девушка сейчас почти плакала, а её учительница, глядя по спине, говорила ей что-то, с искренним сочувствием глядя на её растрёпанные чёрные волосы и трясущиеся бледные руки. В тот момент мне больше всего на свете хотелось оказаться рядом с ней, обнять, успокоить, утешить, защитить от всего, что могло бы её расстроить. Но я не мог, и от этого становилось больно: когда дорогой тебе человек страдает, а ты не можешь помочь ему это чувствуется в разы хуже, чем если бы страдал ты сам. Успокаивала лишь мысль, что сейчас она не одна, и добрая женщина-учительница готова помочь ей с чем бы то ни было. Я молча, стоя с букетом белых хризантем у окна музыкальной школы, наблюдал, как пианистка помогла Наташе собрать музыкальные сборники в портфель, и, погладив на прощание по голове, отпустила. В этот момент я был как никогда счастлив, что пришёл раньше, чем Наташино занятие заканчивалось по расписанию, но по-прежнему беспокоился из-за увиденного: что такого случилось в жизни Наташи, что она решила искать помощи у учительницы? Поправив длинные светлые волосы я двинулся к дверям музыкальной школы, чтобы встретить девочку как только она выйдет и признаться во всём. Отогнав все страхи, все сомнения, я шёл вперёд, понимая, что сейчас решится что-то очень важное для меня, что-то, что беспокоило меня с начала учебного го-

да, что-то, о чём я думал с момента нашей с ней встречи. Я хотел быть рядом с ней. Я хотел, чтобы она была моей.

Легонько толкнув стеклянную дверь, Наташа вышла на улицу и уже собиралась надеть наушники, как вдруг её взгляд упал на мою ярко-жёлтую куртку и белоснежные хризантемы в руках. На секунду девушка замерла, потом положила плеер обратно в карман, посмотрела мне в глаза и, словно смеясь, спросила:

–Кого ждешь?

От волнения я не смог сказать и слова, а красивое признание, которое я так долго придумывал, записывал на бумагу, а потом сотни раз повторял перед зеркалом в ванной, просто вылетело у меня из головы. Я стоял, как вкопанный, глядя на Наташу и пытаюсь вспомнить, что я делал раньше для того чтобы говорить.

–Всё нормально?-девушка помахала рукой прямо у меня перед лицом.-Приём, говорит Земля!

Всё ещё не в силах что-либо сказать, я молча протянул ей букет хризантем, проклиная себя за то, что я не подучил текст чуть лучше. А ведь я так старался, когда его сочинял! Писал и про «чёрные, будто смоль, волосы» и про «глаза, в которых я бы утопал вечно». Я вспомнил содержание текста, а потом посмотрел на Наташу, с непониманием глядящую прямо мне в душу, и даже порадовался, что забыл этот текст тогда и не начал говорить – мне показалось, что такого рода признания ей бы не понравились, как, впрочем, не понра-

вился и мой букет, судя по тому, как она на меня смотрела.

—Это тебе,-только и смог выдавить из себя я, с трудом сдерживая слёзы. Хотелось убежать, спрятаться, забыть всё это как страшный сон. Но дороги назад уже не было, решение было принято, и Наташа уже всё узнала.

Пару секунд девочка просто стояла, потом взяла в руки букет, немного наклонила голову и улыбнулась. Впервые в жизни я видел, чтобы она так улыбалась. Несмело, робко, но немного хитро, словно она давно обо всём знала. Это была не искусственная и натянутая улыбка, а настоящее проявление радости, искреннее и невероятно милое.

—Я уж думала, не признаешься!-хихикнула Наташа,-так и будешь ходить со мной до музыкалки и обратно.

—Ты всё знала, да?-пробормотал я, глядя в землю и не находя себе места от стыда.

—Ну конечно, знала. То, что я плохо учусь, ещё не значит, что я глупая и ничего не смыслю в жизни!-девочка заправила розвую прядь за ухо, и, улыбнувшись, протянула мне руку.-Даже со школы ты молча шагал за мной каждый день. Если бы я не стала ездить на такси, так бы и ходил?

—Наверное...-я растерянно смотрел на протянутую мне руку, не понимая, что я должен делать теперь – в один момент мой мозг как будто отказался работать совсем.

Наташа лишь пожалала плечами, спрятала руку в карман, развернулась, и, бросив мне короткое «Ну, пошли тогда» направилась в сторону железной дороги, отделяющей музы-

кальную школу от нашего района, и я, не теряя времени, пошёл за ней. Мы просто шли, как обычно, молча, но почему-то сейчас это ощущалось совсем по-другому: то ли темнота и холод создавали странную атмосферу таинственности, то ли реакция Наташи так сильно повлияла на меня, что теперь моё сердце колотилось под ярко-жёлтой курткой в бешеном темпе. Она протянула мне свою руку, значит ли это, что я ей небезразличен? То, как она улыбалась и то, как отреагировала на подаренный мною букет – что всё это означало? Столько всего хотелось спросить, но я лишь молча шагал вслед за ней по скользкой, ещё не посыпанной песком дороге, наблюдая как белоснежные хлопья тают в её чёрных волосах, а обычно бледные щёки пылают на морозе. Или всё же дело было не в морозе? Наташа шла, немного улыбаясь и временами поглядывая на меня, и мне хотелось верить, что я и есть причина её улыбки.

–Как дела?-всё-таки решил прервать молчание я – мне слишком хотелось с ней поговорить, хоть немного.

–Да как обычно,-Наташа пожалала плечами.-Вообще день не слишком хороший выдался, устала...

Я хотел спросить ещё что-то, но девочка резко остановилась в нескольких метрах от железной дороги, а потом, посмотрев куда-то за мою спину, сказала:

–Ты можешь ещё немного погулять? Хочу показать тебе одно место недалеко отсюда.

Я бытро закивал:

–Конечно-конечно, хоть всю ночь!-и, пытаюсь оправдать свой энтузиазм, добавил:-Сегодня всё равно пятница, не надо делать уроки...

–Сегодня вторник,-перебила меня Наташа, а потом, схватив за руку, повела куда-то в сторону заброшенного здания старой железнодорожной станции.

А ладонь у Наташи была мягкая и холодная как снег, словно и сама девочка была сделана из снега, эдакая Снегурочка. Это бы объясняло её бледный, почти белый цвет кожи. Нет, она скорее была похожа на Белоснежку, чем на Снегурочку – с кожей, белой как снег, волосами, чёрными как смоль и пылающими на морозе щеками, самая прекрасная в мире, так что на всём белом свете не было никого милей, румяней и белей, и никакие царицы или модели с обложек журналов не сравнились бы с ней. Но такая красота – тихая, неяркая, немного странная, не была понятна большинству людей. Они предпочитали золотистые кудри Иры и Сони, яркий макияж, джинсы со стразами, или просто обращали внимание лишь на ярких, харизматичных и общительных девчонок, которые звали к себе домой уже через два дня общения. Наташа не была такой. Замкнутая, необщительная, стеснительная, тихая, она избегала людей в школе и даже не реагировала на попытки Гриши – а с ним хотели общаться все девочки – с ней заговорить. Она не была похожа на человека, который сильно хотел выделяться, она просто была собой, и это было очаровательно. Среди поля одуванчиков, возомнивших се-

бя розами, она была самым прекрасным, таким одиноким и гордым цветочком эдельвейса. Не всем дано понять красоту этого цветка, но он не становится от этого менее прекрасным. Его вообще не волнует, что о нём говорят, не волнуется ветер и холод, он растёт на горах, далеко от надменных и самовлюблённых одуванчиков, всю красоту которых можно сдуть ветром, и никакое самомнение их уже не спасёт.

Место, куда мы пришли с Наташей, впрочем и было той самой заброшенной железнодорожной станцией. Когда где-то десять лет назад наш район «облагораживали», железная дорога не осталась в стороне – над путями построили мост, по которому никто так и не ходил – зачем это надо, если проще перебежать в любом другом месте, отстроили новое здание станции, а старое так и не снесли – оставили то ли для бездомных, то ли для подростков с бутылками пива, которые только и занимаются тем, что ищут где бы выпить. Однако сейчас, когда мы с Наташей пришли сюда, здесь не было ни подростков, ни бездомных – только бесконечная темнота и снег, белой простыней лежащий на старой скамейке. Вручив мне букет хризантем, Наташа развернулась, а потом быстрым движением запрыгнула сначала на торчащий из стены кирпич, и сразу же на крышу, и, усевшись там поудобнее и свесив ножки, протянула мне руку, мол, отдавай цветы и прыгай за мной. Я с опаской посмотрел на скользкие кирпичи, на невысокую крышу и на самую Наташу. Кажется она залазила сюда далеко не впервые – раз уж так быстро сумела

туда вскарабкаться, однако я таким талантом не обладал – даже на физкультуре я не мог спокойно залезть на лестницу, постоянно срывался. Но делать было нечего, а ударить в грязь лицом перед Наташей я не мог, потому я лишь аккуратно схватился за торчащий из стены кирпич, потом за другой... Мысли о том, что она сидит рядом помогали мне забираться, так что уже через полминуты страданий я оказался наверху, смахнул снег с края крыши и уселся рядом.

–Тут так красиво,-проговорил я, глядя на небольшой лесок рядом и светящийся сотнями фонарей район по другую сторону старой железной дороги.

–Ага, я часто сюда приходила раньше,-кивнула Наташа,-а потом начало рано темнеть и стало страшно ходить сюда одной, мало ли кто здесь будет.

Я пожал плечами:

–Наверное. Хотя мне кажется, что про эту станцию все забыли. А зачем ты, если не секрет, сюда ходила?

От моего вопроса Наташа съёжилась, погрузилась, словно я сказал что-то очень плохое и обидное, так что мне стало невероятно стыдно и я поспешил немедленно извиниться:

–Я ничего такого не хотел сказать, просто хотел узнать, прости, Наташ...

–Я ещё не ответила,-девочка нахмурилась, как будто её очень сильно раздражал тот факт, что я относился к ней как к чему-то очень хрупкому и нежному, и извинялся за каждое своё слово:-Я ходила сюда, потому что не люблю бывать до-

ма. После того, как мама встретила своего Антона, она словно забыла о том, что у неё есть дочь. Конечно, раньше она ходила по клубам и ездила к разным мужчинам, но всё равно всегда возвращалась домой, иногда привозя мне игры для приставки или забавные вещички, которые я складывала в коробку под кроватью, чтобы потом доставать и вспоминать о каком-нибудь периоде моей жизни, связанном с конкретной вещью. А потом появился Антон – противный, вечно пьяный, агрессивный и злой. А мама полюбила его, начала оправдывать все его поступки, каждый запой и каждую истерику. Я ненавижу его всем сердцем, ненавижу то, как он тянет вниз мою маму, как ворует и продаёт мои игры для приставки и забавные вещички из-под кровати, как кричит на меня и ломится ко мне в комнату после того как снова напьётся. Я не чувствую себя в безопасности в собственном доме и если бы не моя учительница по фортепиано, я бы, наверное, уже давно прыгнула здесь под электричку.

Я впервые слышал, чтобы Наташа говорила так много, оттого и не знал, как на это реагировать, и просто сидел, глядя в её зелёные, с рыжими солнышками, глаза, иногда кивая. А она продолжала изливать мне душу, не обращая внимания ни на снег, ни на усилившийся холодный ветер, и в этом было нечто особенно очаровательное – когда холодная, закрытая в себе, но вечно грустная девочка, теперь рассказывала мне о причине своей грусти, в то время, как с другими людьми даже не здоровалась. Неужели у меня тоже получилось стать

для неё особенным?

–Моя пианистка для меня как вторая мама,-говорила девочка, болтая ногами, так что от её полосатых гетр начинало рябить в глазах.-Она единственная из учителей в меня верит, хоть я и не очень люблю её предмет, и намного больше мне нравится дирижировать. Это она уговорила директора поставить меня дирижировать малышам на моём выпускном, вместо сольного выступления, знает, что я боюсь выступать на публику. Она авторитет для меня, я бы хотела, чтобы она была моей мамой... Уверена, она бы не ходила по мужикам, вместо внимания даря мне лишь новые игры для приставки, и уж точно не привела бы никакого Антона в нашу квартиру. Знаешь, раньше я была отличницей – хотела впечатлить мою маму, чтобы она гордилась мной, чтобы называла любимой дочкой, хвалила, всё как у других. Но ей было плевать, а мне стало плевать на учёбу, ведь даже если я приду домой с двойками, об этом никто не узнает... Однажды я уже рассказала об этом одному человеку, но он только посмеялся и сказал, что тоже хочет, чтобы мама разрешала ему гулять хоть всю ночь и дарила игры, с тех пор я никому и не говорила об этом. Ты можешь не понять меня, хоть ты и выглядишь очень искренним, но просто не надо таких комментариев, пожалуйста.

–Нет-нет,-замахал руками я.-Мне кажется я понимаю тебя. Мне тоже хотелось бы, чтобы у нас с мамой были более тёплые и доверительные отношения. Или хотя бы чтобы она

не пыталась «изгнать» меня каждый раз, как мы видимся.

Наташа сначала хихикнула, видимо решив, что я шучу, но потом, поняв, что всё, что я только что сказал, я сказал на полном серьёзе, удивлённо уставилась на меня, а в её глазах чётко читался вопрос о том, всё ли у меня нормально.

–Просто моя мама, как бы сказать...-я на секунду замялся, не зная, как лучше преподнести такую информацию, а потом, решив подойти издалека, продолжил:-Они с бабушкой раньше жили в деревне, а там люди были очень суеверными, и они боялись мою маму, потому что с самого детства она видела духов и разговаривала с мёртвыми, поэтому маме с бабушкой пришлось переехать в город, где новое, тянущееся ко всему необычному, поколение, дало ей шанс стать довольно известной гадалкой. Вот только длилось это всё недолго – сначала пришла налоговая, недовольная её незаконными заработками, а потом, когда всё это начали рассматривать подробнее, дело дошло и до психиатров, там и выяснилось, что никакая она не гадалка и не ведьма, а просто девушка, страдающая тяжёлой шизофренией. И там уже начались и больницы, и постоянные срывы, и странное поведение, которое раньше бабушка – очень суеверный человек – оправдывала тем, что моя мама просто «посланница из другого мира, которой не совсем понятны наши законы». А потом на свет появился я, появился, и чуть ли не с самого рождения стал её злейшим врагом. О том, кто мой отец, не знал никто. Некоторые говорили, что это какой-то врач, другие, что у моей

мамы была интрижка с иностранным студентом, сама же моя мать говорила, что мой отец – это дьявол, а я – злой дух, которого он послал, чтобы испортить ей жизнь. Бред, да? Она правда верила и верит в этот бред и переубедить её невозможно. Сейчас я живу с бабушкой, которой остаётся лишь молиться, чтобы болезнь мамы не передалась по наследству и мне. Так что я, можно сказать, понимаю тебя, хоть у меня и есть бабуля, но порой мне всё равно ужасно одиноко, да и бабушка, если честно, совсем уже старая и сама не может делать почти ничего.

Я закончил свой монолог и посмотрел на Наташу. В её глазах читался искренний ужас.

–Какой кошмар...-только и проговорила она, а потом, положив букет белых хризантем на такой же белый снег, наклонилась и обняла меня. Обняла крепко, по-дружески, но всё же была капелька нежности в этих объятиях, так что я не выдержал и разрыдался прямо на морозе.

Мы так и сидели на крыше старой, заброшенной железнодорожной станции, обнявшись, пока белые хлопья снега падали, застревая в наших волосах, тая и стекая вместе со слезами по моим щекам. Тогда я впервые услышал её дыхание так близко, так чётко, почувствовал, как под синим замшевым пальто бьётся её сердце, и в тот момент я окончательно осознал, что хочу провести всю жизнь так, с ней в обнимку. Хочу вдыхать запах её волос каждую секунду моей жизни, хочу слышать, как она дышит, чувствовать каждый удар её

сердца, хочу спасти её от одиночества и подарить всё то, чего у нас обоих никогда не было, хочу защитить от всего плохого, что с ней случилось и ещё может случиться. Я хочу уехать вместе с ней куда-то далеко-далеко, показать ей то, чего никогда не видел сам, оставив наш старый, уставший район где-то в прошлом. Хочу начать новую жизнь, где будем только мы – я и она. Хочу любить её так сильно, как только способен любить человек, а может и сильнее. Хочу отдать ей своё сердце, свою душу, всего себя, только чтобы она была счастлива. Я любил её сильнее, чем себя, и именно такая любовь – искренняя и самоотверженная – после и разрушила наши отношения.

Вспоминать это всё спустя почти четыре года было больно, словно сдирать корочку с почти зажившей раны, но в то же время эти воспоминания – единственное, что сейчас могло мне помочь, а потому мне оставалось лишь записывать всё это на бумагу, стирая и переписывая по многу раз, так, чтобы перенестись в то время, стать его частью, а потом изменить, сделать всё по-другому. Ведь разве могли отношения, начавшиеся с жалоб на родителей и жизнь, быть чем-то хорошим? Возможно и могли бы, но если я взялся что-то менять, то менять нужно полностью, целиком стерев прошлое и написав новое, с рестораном вместо крыши станции, лепестками роз вместо снежинок, разговорами о погоде вместо рассказов о жизни. Всё как у людей. Неизменным должен остаться лишь букет белых хризантем и шоколадное сердеч-

ко, которое я забыл подарить Наташе и уже позже обнаружил расстывшим в кармане своих джинсов.

Глава 4

Потерять счёт времени и слиться с ним воедино – практически одно и то же. Когда ты забываешь о том, как измеряют время люди, ты становишься его частью. Ведь время – это не минуты, не секунды, не дни и не недели, время – это нечто большее, время – это пространство, не только длина, ширина и высота, время – это четвёртое измерение, которое невозможно понять, когда ты существуешь в рамках своего земного тела, но так легко почувствовать, когда ты теряешь связь с этим глупым, примитивным миром и перестаёшь воспринимать время как способ что-то измерить. Когда ты теряешь способность понимать, что такое «утро» или «вечер», ты обретаешь нового себя, и ты становишься сильнее времени. А когда ты сильнее, чем само время, ты можешь делать с ним всё что захочешь, менять прошлое, настоящее и будущее, которые теперь существуют для тебя одновременно, управлять реальностью, как управляет своими персонажами писатель. Да, когда ты понимаешь время, ты сам становишься автором своей истории, Богом в своей Вселенной, воплощением совершенства, почти всемогущим созданием, сильнее которого только любовь, его сотворившая, потому что никакое творение не может превзойти своего Творца. И теперь, почти что поняв, как в этом мире всё устроено, я потихоньку менял своё прошлое для того чтобы изменить и

будущее, стирая из своей памяти всё, что там было, и позволяя новым воспоминаниям, словно цветам, вырасти на месте старых. И всё же ужасно больно было забывать наши с Наташей ночные прогулки, вальс под снегом около музыкальной школы, долгие разговоры на лестнице и маленькие путешествия на поезде в соседние города. Забывать то, как мы стали с ней сидеть вместе в школе – я носил все учебники и старался учиться как можно лучше, а она, постоянно забывая даже ручку, на уроках спала у меня на плече, как Гриша в шутку называл нас Ростовой и Болконским, как Ира с Соней хихикали и шептались у нас за спиной, как мы ходили прогуливать математику, которую Наташа не понимала, на крышу школы. Но я забывал. Осознанно я забывал всё то, чем так дорожил, чтобы потом придумать по-новому. Реальность зависит лишь от восприятия, а потому, поменяв восприятие, можно поменять реальность.

Вот только я забыл учесть кое-что очень важное, решающее. Менять прошлое не изменив настоящее – бесполезно, ведь не существует единого прошлого, настоящего и будущего. Все сюжеты нашей жизни – лишь ниточки на бесконечном полотне времени, вероятные события, которые либо случились, либо нет, потому без изменений в настоящем менять прошлое бессмысленно, а парадокс убитого дедушки – абсурд. Если ты изменишь прошлое, убив собственного дедушку в молодости, это не значит, что ты никогда не родишься. Это прошлое просто перестанет быть твоим, и на

том месте, где ты что-то поменял, зародится новая Вселенная с новым прошлым, настоящим и будущим. А на создание новой Вселенной всегда уходит некое количество энергии, и это никогда не остаётся незамеченным, и люди, ломящиеся в дверь моей квартиры, были этому подтверждением – они что-то узнали.

Холодный плиточный пол, запах пота и плесени, тихие всхлипывания Алисы, прижимающей к себе своё любимое зеркало, по-быстрому собранные в стопку листы бумаги со стола с ценными записями и безысходность, граничащая с отчаянием самоубийцы, поглощающая меня всего. Я никогда не был так близок и к победе, и к провалу одновременно. Я почти стал автором своей истории, своей судьбы, но у шутника, пишущего её, видимо были другие планы.

–Мне страшно,-всхлипывая шептала Алиса, прижимаясь ко мне и крепко держа в руках самое ценное что у неё было – небольшое зеркало, в котором жила её лучшая и единственная подруга. Она вытерла слёзы рукавом своей ночной рубашки и посмотрела на меня.– Я боюсь, понимаешь, Андрей? Боюсь людей, которые стоят в нашем подъезде – Девочка из зеркала сказала, что они ищут тебя, представь, что будет, если найдут. Эти голоса за стеной, они всё громче. А мне страшно, так страшно, как не было никогда. Кто все эти люди? Они почти зашли в нашу квартиру! Что ты сделал такого, что за тобой пришли? Мне страшно, Андрей! Мне страшно из-за того, что с тобой происходит, из-за того, что

происходит со всем в принципе. Страшно из-за того, что ты постоянно либо спишь, либо что-то пишешь, рисуешь, и выглядишь при этом очень, очень непонятно. А ещё грустно, наверное потому что ты перестал мне давать веселинки. Без них я и правда чувствую себя намного хуже, прости, что не верила тебе. Я хочу, чтобы всё было как раньше – без шума за стеной, без кучи бумаг на столе, без всего этого. Я хочу, чтобы ты как и раньше читал мне сказки перед сном, водил гулять в парк, включал колыбельную и расчёсывал мои волосы по утрам. Мне страшно, понимаешь?! Андрей, если ты можешь всё, то пожалуйста, верни всё как было.

Отчаяние, страх и мольба в голосе сестры заставили меня чувствовать себя ещё хуже. Как я мог допустить, что самое милое и маленькое создание, которое я должен был защищать от всего того, что могло её расстроить, теперь плакало, сжавшись на полу ванной. И какой я после этого брат, да и достоин ли называться братом вообще? Ведь ни один хороший брат так бы не сделал, ни один хороший брат бы не пугал родного маленького человечка. А я повёл себя глупо, безответственно, не просчитав всё, и теперь она плакала, обняв зеркало, а я чувствовал себя самым ужасным человеком на свете и дрожа от страха. Ужасная холодная пустота, смешанная со страхом, поглощала моё тело, не оставляя места ни для надежды, ни для любви, ни для чего из того, что могло бы дать мне силы изменить настоящее сейчас. Я был не просто загнан в ловушку – я был почти убит, и пусть моё

тело всё ещё было здесь, в ванной, я уже не чувствовал ничего, кроме ужаса, от которого было не спрятаться и не сбегать, и, стоило мне закрыть глаза, пытаюсь игнорировать всё происходящее, чтобы изменить своё восприятие реальности и саму реальность, как десятки невидимых рук обхватывали моё тело – я не видел их, но чувствовал даже лучше, чем холодную плитку на полу и горячие слёзы, бегущие по моим щекам.

Боль, рождающаяся в самом сердце, и, неприятным, обжигающим холодом растекающаяся по всему телу – самый ужасный, самый ненавистный мне вид боли. Такая боль – поглощающая и всеобъемлющая – никогда не проходит, она остаётся где-то в твоей крови, путешествуя по твоему телу, и, время от времени, снова возвращаясь в сердце, чтобы заставить тебя проживать её снова и снова. Эта боль не сравнима ни с каким другим видом боли – физической ли, моральной ли – она сильнее, ярче, она быстрее расползается из сердца к кончикам пальцев, она почти живая. Такая боль приходила ко мне только два раза: сегодня и в тот, ставший роковым для меня, вечер, когда мы в последний раз собрались всем классом, чтобы выпить и проститься со школьной жизнью раз и навсегда. Я до сих пор помню школьный актовый зал, вручение дипломов, длинные платья, золотистые ленты, чёрные волнистые, успевшие отрасли с начала десятого класса, волосы и зелёные, с рыжими солнышками в центре, глаза. Помню, как Гриша танцевал с Любой – все были

так удивлены, что потом обсуждали их странный дуэт до самого утра. Помню, как Ира и Соня пришли в самых ярких платьях – красном и синем – так что мы за спиной называли их полицейской мигалкой. Помню речь директора, вальс, бокалы вина, прогулки вдоль речки, круглый шарик луны в небе, холодные руки Наташи, её тихий голос и её слова, вдребезги разбившие все мои мечты, которые я так долго растил и лелеял в своём сердце.

Выпускной – финишная прямая для любого школьника. Одиннадцать лет он учился, делал домашние задания, прогуливал уроки, списывал сочинения у друга (только не точь-в-точь, чтобы учитель не понял, что всё списано!), с кем-то дружил, кого-то любил. Одиннадцать лет плакался маме, что не хочет учиться, что больше не пойдёт в школу, что ему никогда в жизни не понадобится ничего из того, что он там узнаёт. И вот, спустя одиннадцать лет, ставших для него целой жизнью, он, наконец, прощается со школой, которую так сильно ненавидел, и на его глазах почему-то блестят слёзы. Неужели он будет скучать по нудным урокам математики, по иногда раздражающим одноклассникам и даже по злой, вечно ругающейся на детей, учительнице? Будет, ещё как будет. А пока что он улыбнётся, подарит классной руководительнице букет её любимых цветов, и пойдёт к своим друзьям танцевать, надеясь, что взрослая жизнь принесёт ему лишь радость и свободу. Я тоже когда-то был этим самым выпускником: в тщательно выгляженном костюме, с золотой лентой с

надписью «Выпускник!», аттестатом в руках и блеском в глазах. Я должен был стать невероятно счастливым взрослым, наверное, самым счастливым на свете: жениться на Наташе, завести детей, мальчика и девочку, чтобы потом называть их Дима и Диана – эти имена нравились нам с Наташей больше всего, потом, может быть, построить собственный дом где-то на берегу моря или в горах, далеко от всех, и писать песни вместе с моей уже женой – я, как гений литературы, пишу текст, а она, как невероятно талантливый музыкант – ноты. Да, мы с ней должны были стать самой счастливой, самой любящей парой на свете, вот только у неё было совсем другое видение будущего.

Когда все торжественные и печальные речи были сказаны, танцы и песни исполнены, а учителя, патрулирующие школьные туалеты, чтобы там, не дай бог, кто-то не устроил вечеринку с выпивкой, разошлись по домам, мы вместе с «Б» классом направились в сторону парка, чтобы прогуляться вдоль реки, спеть песни и обсудить годы, проведённые нами в школе, теперь уже оставшиеся позади. Сладкие парочки шли, держась за руки, уже подвыпившие парни из параллельного класса громко пели, компания модниц во главе с Ирой с осуждением смотрели на девочек, которые для прогулки в парке сразу же после выпускного вчера сменили каблуки на кроссовки, потому то предпочли комфорт красоте, а я шёл где-то позади, внимательно вглядываясь в каждый силуэт, надеясь побыстрее встретить Наташу. Из-за её низких отме-

ток и нежелания учиться она не была допущена ни к одному экзамену, поэтому этот праздник был не для неё, да и учителя не были бы счастливы видеть «вечно мрачную, отравляющую своим присутствием любой праздник», как выразился наш директор, Наташу. Но всё же она согласилась прийти в парк, сказала, что будет ждать меня у речки – понимает, как важен этот вечер для меня. И я шёл. Шёл за толпой счастливых выпускников, надеясь встретить её как можно раньше, чтобы потом сидеть где-то далеко от них, слушая как она поёт или разговаривая с ней о чём-то таком незначительном для всех остальных, но невероятно важном для нас с ней.

–Андрей, я здесь!-Наташа сидела на толстой ветви склонившейся над рекой ивы, и махала мне рукой. В свете луны её чёрные волосы отливали серебром.

–Привет! Спасибо что пришла,-я улыбнулся, глядя в такие родные зелёные глаза, вот только рыжие солнышки в глазах почему-то не улыбнулись мне в ответ.

–Присядь, нам надо поговорить.

Такой тон – холодный, неприветливый, отстранённый – мне совсем не нравился. Прокручивая в голове всё, чем я мог ненарочно обидеть Наташу, я сел рядом с ней, ожидая, что же она скажет. Заговорила она не сразу и как-то тихо, неуверенно.

–Слушай, я разговаривала с моей учительницей по фортепиано,-руки девушки тряслись, и мне хотелось обнять её, чтобы успокоить, но боялся, что сейчас такое действие с мо-

ей стороны лишь испортит всё,-и она сказала, что может продвинуть меня как хормейстера и помочь мне уехать от мамы с Антоном. У неё есть родственники, работающие в оперном театре, которые с радостью возьмут меня к себе, учитывая, что я довольно неплохо дирижирую. Она сказала, что они уже согласились, но...

На секунду Наташа замялась, опустила глаза, и, глядя на лунную дорожку на реке, ещё тише сказала:

–Мне надо будет переехать в столицу. Уже сейчас.

Переехать. Сейчас. Наташа уедет. Это всё, что я смог сообразить тогда – мой мозг словно отказался работать, сломався, а вместо разных мыслей там осталась лишь пустота.

–Я с тобой,-только и смог ответить я, хотя прекрасно понимал – это не так.

Я не смог бы уехать с ней, как бы сильно этого не хотел. Не мог оставить старую бабушку здесь одну, не мог просто взять и поменять всё, да и в столице меня никто не ждал. Я не мог ехать в столицу вместе с ней, так же как и не мог жить без неё. Ужас, смешанный с болью, родившийся в тот момент в моём сердце, медленно подполз к горлу и начал меня душить, не давая мне сказать или спросить ещё хоть что-то. Я просто сидел и смотрел на Наташу, которая пока что была так близко, и не верил, что совсем скоро её уже не окажется рядом.

–Ты же всё понимаешь,-покачала головой Наташа. -С моими отметками у меня никогда бы не было ни малейшей воз-

возможности жить хорошо. А тут – столица, оперный театр, хор – всё то, о чём я только могла мечтать, так, сразу. Я не хочу тебя оставлять, но у нас нет выбора – не будешь же ты жить в квартире у родственницы моей пианистки вместе со мной. Не пойми меня неправильно, но если я сейчас не воспользуюсь этой возможностью – останусь никем до конца жизни, и так и умру грустной, вечно ноющей эмо-девочкой с несбывшимися мечтами. Это не то будущее, о котором я мечтаю.

В тот момент мне стало всё понятно. А с пониманием пришло и отчаяние. Мы видели наше будущее совсем по-разному. Там, где я видел домик на берегу моря, музыкальную группу, двух детей: Диану и Диму, она видела несбывшиеся мечты и бессмысленное существование, там, где я хотел построить счастливую семью, она хотела уехать отсюда, вырваться из этой клетки. У нас были слишком резные взгляды на наше будущее, слишком разные планы, и сейчас менять что-либо было бы уже слишком поздно. Если бы я с самого начала дал ей почувствовать себя увереннее, безопаснее со мной, осталась бы она тут? Если бы я водил её по ресторанам на все карманные деньги, вместо того, чтобы помогать ей копить на учёбу, и дарил цветы, вместо глупых самодельных открыток, осталась бы она здесь? Если бы дал уверенность в завтрашнем дне рядом со мной, устроил всё так, чтобы ей не хотелось уезжать, мечтала бы она о семье так же как и я? Если бы у меня была возможность поменять прошлое, смог

бы я изменить и её мечту?

– Подожди, Наташа... -прохрипел я, пытаюсь сообразить хоть что-то, чтобы подольше поговорить с ней. -И что теперь нам делать?

Она пожала плечами так, словно я её уже совсем не волновал, но я слышал, как быстро бьётся от волнения её сердце и видел, как вспотели её руки.

– Делай что ты хочешь. О чём ты мечтал? Что хотел сделать после окончания школы? Ты свободен, можешь делать что хочешь, тебя больше ничего не сдерживает.

Она немного подвинулась, потом спрыгнула с ветки ивы на землю, развернулась и ушла, оставив меня одного. Это был наш самый короткий разговор. Самый короткий и грустный. Почему она так поступила со мной? Просто сообщила факты и исчезла, ничего не добавив? Я свободен, и это самое отвратительное наказание для меня. Я не хотел был свободным, я хотел быть с ней, хотел принадлежать ей. Мне не нужна была никакая свобода, если её не было рядом. Но у автора нашей истории были другие планы на нас, а у Наташи была другая мечта, которой я не мог лишить её. Всё произошло слишком быстро, слишком странно, слишком резко, слишком неожиданно, так что я, не до конца понимая, что же произошло, не мог даже заплакать.

Уже на следующий день Наташа уехала, и когда я пришёл к ней, чтобы попросить хоть иногда звонить, дверь мне открыл пьяный Антон, сказав «Эта спиногрызка съехала, про-

валивай». А дальше всё смешалось: попытки хоть куда-то поступить, встреча с мамой, когда она снова проклинала меня, восемнадцатый день рождения, смерть бабушки, пустая квартира, одиночество, Алиса, бессмысленное существование, скрашиваемое лишь времяпрепровождением с младшей сестрой, ещё один день рождения, конец лета, холод, народный хор «Свята», холодный плиточный пол, люди, ломящиеся в дверь.

—Купи мне ещё веселинок, пожалуйста, купи, пожалуйста,-раз за разом повторяла Алиса, шатаясь взад-вперёд.-Мне очень плохо, мне очень грустно, мне очень страшно.

Монотонная речь сестры, холодный плиточный пол, люди на коридоре – я чувствовал ужасную усталость от всего этого.

—Куплю, обязательно куплю, сходим к доктору за рецептом и куплю,-пообещал я сестре, и, зевнув, провалился в сон, при этом думая только об одном – как бы дожить до рассвета.

Мне снова снился кошмар. Очередной кошмар, где я бегу за ней, а пропасть между нами становится всё шире, расстояние всё больше, и она, постепенно, совсем исчезает из виду, забирая с собой и надежду на счастливое будущее. Вот только я больше не собираюсь молчать, как тогда, в мой выпускной, у ивы. Теперь я чуть больше, чем просто человек, теперь я могу всё поменять, и я поменяю, как только проснусь.

Вот только проснусь ли я? Всё чаще ко мне стали приходиться мысли о том, что реальность, на самом деле, не так уж и отличается от сна – те же люди, те же эмоции, те же кошмары... И, вполне возможно, что это не Чжуан Цзы видел бабочку в своём сне, а бабочка видела Чжуан Цзы. Ведь где гарантия, что то, что мы считаем реальностью, реально на самом деле? Кто сказал, что сон – лишь плод нашего воображения, а реальность – нет? Сон не менее реален чем то, что принято считать реальностью, а реальность – настолько же абстрактна, как и сон. Когда мы спим мы не понимаем, что мы находимся во сне, где всё контролируется только нами, потому и не можем никак повлиять на происходящие вокруг нас события. Но стоит нам осознать, что мы спим – мы становимся всемогущими, способными поменять абсолютно всё вокруг себя. Разве не так же это работает и с «реальностью»? Пока мы верим в то, что время сильнее, чем мы – мы будем играть по его правилам, не имея возможности изменить что-либо, но стоит нам осознать, что каждый из нас не просто персонаж, а главный герой в своей истории, мы сможем стать авторами. Когда ты становишься автором, то некто по ту сторону листа бумаги, тебя придумавший, теряет контроль над твоей жизнью. Ты сам становишься богом. Ты сам можешь перелистывать страницы своей жизни, стирая и заново переписывая старые главы. А значит, и люди за дверью моей квартиры пропадут, как только я проснусь, и Алиса станет счастливой, и мы с Наташей никогда не расстанемся.

Когда я открыл глаза, за окном уже светило солнце. Заглядывая в ванную комнату через маленькое окошко под самым потолком, оно улыбалось каждым своим лучиком, и я почти слышал, как оно здоровается со мной. С рассветом ушёл мрак, а вместе с ним и все страхи: я чувствовал себя гораздо лучше, когда за окном светило солнце. Алисы рядом со мной уже не было, но, стоило мне выйти из ванной, как она, одетая в своё лучшее голубое платьишко, бросилась мне на шею:

—Ты проснулся! Я уже боялась, что ты проспичь весь день и мы так и не сходим к доктору! Ты мне обещал вчера, помнишь? Я уже собралась, даже косичку сама заплела, смотри,-девочка покрутилась передо мной, демонстрируя свою новую причёску.-Кстати, люди уже ушли, видимо, подумали, что тебя нет.

Последние слова сестры заставили моё сердце ёкнуть в груди: всё-таки получилось! Сила моего желания стала сильнее воли автора, а раз уж всё так, то скоро и Наташа окажется здесь. Скоро. А пока нужно отвести сестричку к врачу – нарушать обещания, данные детям, нельзя ни при каких обстоятельствах. Пока они дети, они должны чувствовать, что взрослые могут быть для них надёжной опорой, теми, на кого они всегда могут положиться и кому могут доверить свои маленькие проблемы.

—Хорошо, пойдём,-я протянул Алисе руку, но она почему-то поморщилась.

—Ты выглядишь странно: небритый, непричёсанный,-де-

вочка нахмурилась, а потом, видимо, испугавшись, что может меня обидеть, добавила: -Нет, не в плане, что ты некрасивый, но, мне кажется, людей может смутить твой внешний вид.

Я улыбнулся. Девочки... Всегда им надо выглядеть привлекательно, аккуратно, ухоженно.

-Не волнуйся, зато ты будешь смотреться ещё красивей на моём фоне, -я подмигнул сестричке, и, надев старое потёртое пальто, вышел из квартиры.

Сегодняшний день был, кажется, чуть теплее, чем все остальные, солнце светило чуть ярче, а Алиса, бегущая рядом со мной выглядела счастливее, чем обычно, и это не могло не радовать. Если я уже смог изменить реальность до такой степени, что теперь она прогибалась под меня, а не я под неё, то совсем скоро у меня будет и дом на берегу моря, и своя маленькая музыкальная группа, и дети – пока ещё совсем малыши – Диана и Дима. А пока что я шёл, переступая лужи и игнорируя взгляды прохожих, держа Алису за руку, и не верил, что совсем недавно я плакал, свернувшись калачиком на полу в ванной. От ужаса, охватившего меня тогда, не осталось и следа – я победил его, как победил время, и теперь наслаждался этим вкусом победы и чувством свободы. Свобода, которую я так ненавидел два года назад, теперь стала моим главным оружием. Я был свободен от воли автора моей истории, от прошлого, от реальности, и единственное, от чего я не мог бы освободиться, даже если бы очень хотел

– а я не хотел – это моя любовь к Наташе. Именно любовь и дала мне эту свободу, и именно ради любви эта свобода и была мне нужна. Шагая по знакомому мне маршруту от дома к диспансеру и напевая себе что-то под нос, я наслаждался жизнью как никогда прежде, наслаждался предвкушением чего-то прекрасного, чего-то волнующего и такого любимого и дорогого мне. И даже противные зелёные стены здания, куда зашли мы с Алисой, не могли унять мою радость. Всё здесь казалось мне каким-то подозрительно знакомым, словно я уже бывал здесь много-много раз в прошлой, больше не принадлежащей мне, жизни. Наверное, водил сюда Алису. В любом случае, сейчас это не имело уже никакого значения, а единственное, зачем сейчас сюда пришёл – рецепт на лекарства для сестры.

– Андрей,-голос сестры резко разбил тишину, стоявшую в пустых коридорах.-Я уже хочу домой, мы скоро вернёмся?

–Ты чего?-удивился я.-Мы же только пришли.

Алиса тяжело вздохнула:

–Я уже соскучилась по Девочке из зеркала.

При одном упоминании о ней мне снова стало как-то странно тяжело внутри. Если сейчас я расскажу врачу всю правду, то Алисе придётся проститься со своим маленьким мирком и лучшей подругой – психиатр не сможет не увеличить дозу лекарственных препаратов. Если реальность воспринимается Алисой именно так, не значит ли это, что она уже стала автором своей истории и меняет свою жизнь так,

как она захочет? Или она, наоборот, делает это неосознанно, даже не подозревая, что всё, что она видит вокруг себя зависит только от неё? Не лучше ли для самой Алисы будет оставаться в своей стране чудес, чем внезапно оказаться в старой, грязной, душной квартире, без единой подруги? Нет, всё совсем наоборот. Алиса бы не плакала и не умоляла меня купить ей «веселинки», если бы ей было хорошо в своём собственном мире, а значит сейчас я должен был помочь ей почувствовать себя лучше.

–Давай быстренько сходим к дяде-докотру, купим веселинок и побежим домой к твоей подружке, хорошо?

–Ладно,-согласилась сестра. -А куда идти-то?

Я пожал плечами: действительно, куда? Развернувшись, я окинул взглядом десятки выкрашенных в серый цвет дверей, и внезапно замер, заметив мужчину средних лет в белом халате, стоящего у одной из них и пристально на меня смотрящего. Поймав мой взгляд мужчина кивнул, потом улыбнулся, и, приоткрыв дверь, жестом пригласил нас с Алисой внутрь.

В кабинете было тепло и уютно: зелёные обои, на которых жёлтыми полосками застыли солнечные лучи, мерно тикающие часы над заваленным бумагами столом, какие-то яркие картинки, развешанные повсюду, и, если бы не медицинская койка, можно было бы подумать, что это комната подростка, сильно увлекающегося психологией.

–Доброе утро, молодой человек. Меня зовут Михаил, я

врач-психиатр,-мужчина уселся в кресло, и, указав нам на койку, спросил:-С чем Вы сюда пожаловали?

Он говорил максимально вежливо и спокойно, но я всё же уловил едва различимую нотку то ли страха, то ли опасения в его голосе.

–Говорила же я тебе, причешись и умойся!-пошептала мне на ухо Алиса, видимо, тоже почувствовавшая, что доктор отнёсся ко мне странно, и я, не сдержавшись, хихикнул.

–Что Вас так рассмешило?-Михаил приподнял бровь, не переставая смотреть мне в самую душу, словно это мне, а не Алисе здесь нужна была помощь.

–Нет-нет, ничего,-поспешил извиниться я,-простите. Я пришёл с сестричкой, как её опекун, Цветаева Алиса, её карточка должна быть где-то здесь. Нам нужно продлить рецепт.

Достав из кармана смятую бумажку я протянул её мужчине, так и не оторвавшему от меня свой странный, пристальный взгляд.

–Ага, сестре значит, хорошо...-протянул доктор.-Это Вы с ней разговаривали в коридоре?

–Нет, привёл сюда незнакомую девочку, вот она и сидит теперь здесь рядышком,-с сарказмом ответил я, но, переглянувшись с Алисой и поймав её недовольный взгляд, исправился:-Извините, да, с ней.

–Хорошо, приятно познакомиться, Алиса. Полагаю, до меня у неё был другой доктор?-Он снова посмотрел на ме-

ня.-Какой у Алисы стоит диагноз?

Я нервно потеребил край рукава – знать о своём диагнозе сестре было вовсе необязательно. Ей ведь никто раньше об этом не говорил, а если и говорил, то она уже наверняка забыла. И всё же, боясь выглядеть ну совсем бестолково в глазах Михаила, я тихо, повернувшись к нему, сообщил:

–Параноидальная шизофрения.

–Вот как... Хорошо, сейчас всё решим.

Я молча кивнул. Тон Михаила мне, мягко говоря, совсем не нравился, так что я успел пожалеть, что не последовал совету сестры и пришёл сюда в таком виде – теперь он смотрел на меня так, будто хотел выписать мне таблетки тоже, чтобы я пропил их с Алисой за компанию. Я приобнял сестру, сидящую рядом, пытаюсь успокоить то ли её – я чувствовал, как она дрожала, наверное, от волнения, – то ли самого себя.

–Давайте так,-сказал мужчина после долгой паузы,-сейчас вы посидите здесь, пока я сбегаяю за карточкой Алисы, а потом я вернусь и вы будете свободны, хорошо?

–Хорошо,-хором ответили мы с Алисой, провожая его взглядом.

–Какой-то он нервный,-заявила сестра, как только дверь за Михаилом закрылась.-Странно так смотрел на нас... Или, может, мне так кажется, из-за того что у меня что-то там параноидальное?-она повернулась и укоризненно посмотрела мне в глаза.-Почему ты не говорил, что я параноидальная?

–Ты не параноидальная, Алиса, что за глупости,-рассме-

ялся я.-Так нужно было сказать, чтобы тебе разрешили пить веселинки, понимаешь?

Девочка нахмурилась, но потом, видимо решив поверить мне, пробормотала что-то наподобие «Ну, ладно», и сразу же занялась изучением собственных ногтей – то ли от нежелания со мной общаться, то ли от скуки.

Однако долго скучать нам не пришлось – уже через пару минут в кабинет, наполненный солнечными лучами, зашёл Михаил. И не только он – два мужчины, чуть помоложе, по обе стороны от него, натянуто улыбнулись, глядя мне в лицо, и, подойдя чуть ближе, один из них заговорил:

–Вы Цветаев Андрей, верно?

–Да-да, я,-кивнул я в ответ.-А это Алиса, это ей нужен рецепт.

–Ага, приятно познакомиться, Алиса,-мужчина в белом халате посмотрел куда-то в стену, а потом, снова повернувшись ко мне, спросил:-Вы можете сейчас выйти ненадолго, надо кое-что обсудить?

–Конечно!-закивал головой я. Тот факт, что они поняли, что Алисе знать о своей болезни необязательно, меня несказанно радовал,-только можно кто-то из вас останется с моей сестрой? Она боится подолгу находиться в одиночестве. Обычно она общается со своей лучшей подругой – Девочкой из зеркала, но сейчас у неё нет с собой зеркальца.

–Хорошо,-заговорил Михаил, а потом обратился к стоящему рядом доктору:-Вась, посиди пока что с Алисой, хоро-

шо?

Алиса испуганно посмотрела на Васю, к которому обратился Михаил, так что мне пришлось быстро её успокаивать:

– Не переживай, дядя Вася очень хороший, посиди с ним немного, я скоро вернусь, – я улыбнулся ей и вышел вслед за Михаилом в коридор.

– О чём Вы хотели со мной поговорить? – спросил я, как только дверь закрылась.

Мужчины несколько секунд молча смотрели на меня, потом переглянулись, и, указав рукой на выход из здания, быстро пошли туда. «Странное дело – разговаривать на улице, но им виднее», – подумал я, едва поспевая за ними.

Солнце на небе светило так же ярко, но теперь мне уже было не так хорошо и спокойно на душе. Раз врачи собрались втроём, чтобы обсудить со мной самочувствие Алисы, это значит, что у неё что-то серьёзное, ещё хуже, чем было раньше? А вдруг её увезут в больницу, как мою маму? Хотя, такого быть не должно – она ведь исправно принимала лекарства, назначенные ей. Но почему тогда меня, проводив до машины скорой помощи, со словами «там сидит человек, специализирующийся на таких случаях», усадили внутрь? Если бы всё было хорошо, мы бы наверняка не закрывались теперь здесь? Я молча ждал объяснений от врачей, но их почему-то не было. Вместо этого меня сначала пристегнули, а потом, не ответив на мой вопрос о том, что вообще происходит, сели рядом, и машина скорой помощи куда-то двину-

лась.

Страх, который я подавлял в себе с самого начала приёма у психиатра, наконец вырвался наружу. Куда меня везут? Почему меня увозят куда-то? И что теперь будет с Алисой? Они хотят збрать её у меня? Хотят лишить меня маленького, такого родного мне человечка? Они знали, что я буду очень против, если они заберут её прямо при мне, вот и решили сразу отвезти меня домой? Я с трудом сдерживался, чтобы не заплакать. Хотелось кричать, но я не мог ни подобрать слов, ни вообще что-либо собразить. А вдруг я больше никогда не смогу её увидеть, или буду видеть лишь иногда, как маму? Смогут ли за ней там, куда её отведут, следить так, как надо? Ей ведь будет совсем плохо без Девочки из зеркала, почему они не подумали об этом? Что за чушь с принудительным лечением, я ведь должен дать на это согласие! Страх за родную сестру, смешанный с гневом, застрявший у меня в горле, наконец, смог вырваться наружу:

—Остановитесь сейчас же!—я попытался вскочить, но меня тут же схватили Михаил с другим доктором, будто я был невменяемым.—Что вы собираетесь сделать с моей сестрой?!

Я попытался оттолкнуть врачей от себя, но слишком ослабел от жизни впроголодь, так что сил мне хватило только на лёгкий рывок, после которого я, обессилив, упал, больно ударившись головой о спинку кресла.

—Отпустите меня!—всё же продолжал бороться, пусть и только на словах, я. Я не собирался сдаваться, когда речь

шла о моей сестре.-Вы что творите?! Вы не имеете никакого права держать меня здесь и везти куда-то!

Но мужчины, кажется, вообще не реагировали на мои слова, словно они не значили для них ничего.

—Прекратите этот цирк,-как можно более спокойно попытался заговорить я, но, увидев всё то же безразличие на их лицах, снова сорвался на крик:-Да как вы смеете забирать у меня сестру?! Вы знаете, что я, как её законный представитель, должен дать согласие на госпитализацию, а в противном случае вы не имеете права ничего с ней делать?!

В горле ужасно першило, а нос по дурацкой случайности заложило как раз в этот момент, так что дышать стало в разы сложнее. Задыхаясь и пытаюсь откашляться, я продолжал что-то доказывать по-прежнему безразличным врачам. Горячие слёзы, которые у меня больше не было сил сдерживать, обжигали мои щёки, руки тряслись, а перед глазами всё плыло. Сейчас всё больше походило на кошмар, чем на хорошую историю, в которой я являюсь автором, а люди, которые ещё недавно ломались ко мне в квартиру, теперь казались совсем мелочью. Тогда хотя бы моя Алиса была со мной, а что теперь? И надо было мне идти сюда! Могла ведь Алиса немного подождать, пока я перепишу настоящее, а там и у неё с мамой всё было бы хорошо, и у меня с Наташей. Мысли о Наташе вызвали у меня новый приступ слёз. Сейчас мне было как никогда одиноко. Когда такое случалось в школьные годы, я всегда бежал к ней, и сейчас мне больше всего хоте-

лось обнять её, запустить пальцы в её чёрные жёсткие волосы и больше уже ничего не чувствовать. Ничего, кроме её холодных рук на моей спине.

А мы тем временем всё ехали и ехали куда-то. Голова кружилась, горло болело, сил плакать почти не осталось. Но я не собирался молчать, не собирался терпеть. Эти люди не должны были забирать мою сестру у меня. В голову лезли абсолютно не связанные ни с чем мысли, так что моя речь теперь больше напоминала бред, а не просьбу остановиться, но я не хотел молчать. Я хотел доказать им, что они не должны лишать меня и Алису счастья, не должны запрещать каждому жить так, как он хочет, не должны никого ни в чём ограничивать. Тяжело дыша и путаясь в словах я что-то говорил, о чём-то спорил сам с собой, что-то кому-то доказывал. Собрав оставшиеся силы, я пытался привлечь внимание Михаила. Он ведь так вежливо со мной общался, что же случилось теперь?

–Михаил, пожалуйста, верните меня к сестре,-взмолился я, из последних сил держась, чтобы не потерять сознание.-Не забирайте её никуда. Ей будет плохо без меня. Пожалуйста...

Доктор тяжело вздохнул, посмотрел на меня со странной смесью жалости и тревоги, а потом тихо, едва слышно, сказал:

–Молодой человек, успокойтесь, у Вас нет сестры. У Вас никогда её не было. Вы принимали свои лекарства?

А потом бесконечная пустота. Я не помнил ничего, не ви-

дел ничего, не чувствовал ничего. Не было ни темноты, света в конце тоннеля – только пустота, такая же, как и пустота внутри меня. Что за чушь сейчас сказал Михаил? Мои лекарства? Нет Алисы? Никогда не было? Она была, правда. Жила со мной, в старой, душной квартире, дружила с Девочкой из зеркала, спала на диване, пока я, уступая ей место, ночевал на полу, любила смотреть колыбельную по телевизору и не любила темноту и одиночество. Она жила со мной последний год, это точно. А что до этого? Она жила с мамой? Лежала в больнице? Этого я не знал. Но она была. Была когда-то. Не мог ведь я выдумать её, как она выдумала Девочку из зеркала, только для того, чтобы спастись от ужасного чувства одиночества? Я бы не видел её, не чувствовал какие на ощупь её золотистые волосы, не мог бы держать её ладошку в своей. Если Михаил не соврал и Алисы и правда никогда не существовало, чью пенсию я получал, кому покупал таблетки, почему не ходил на работу, а сидел дома? Ответ был совсем близко, но я, почему-то, не мог его споймать, отыскать среди этой бесконечной пустоты. Пустоты, в которую я провалился целиком, чтобы больше ничего не чувствовать.

Эпилог

Я сидел на кухне и смотрел, как ярко-оранжевыми полосками солнце стекало по фиолетовым обоям, прощаясь с нами до утра. Красота закатов понятна не каждому, как не каждому понятна прелесть конца истории. Иногда мы слишком хотим, чтобы какая-то история продолжалась, не понимая, что у всего есть конец, который можно лишь принять как должное. Спорить с ним бесполезно – можно только смириться, как смиряется цветок осенью со своей смертью. Знает ли он, роняя свои высохшие лепестки, что его конец – это не навсегда, но чтобы зацвести снова, ему нужно распрощаться с прошлой жизнью? Думаю, не знает, но он и не спорит, молча роняя свои лепестки, он прощается со своей прошлой жизнью навсегда, не подозревая, что дальше его ждёт ещё одно лето, возможно, даже более тёплое, чем прошлое.

В маленькой, пустой квартирке было тепло и сухо, но всё равно как-то странно неуютно. Без Алисы мне было совсем одиноко, и иногда я по привычке звал её обедать, забывая, что у меня нет сестры. Никогда не было. Уже месяц как я вернулся домой после лечения в психиатрической больнице, навёл порядок, но всё же время от времени я по-прежнему находил разбросанные повсюду листы бумаги, исписанные странными, безумными идеями и изрисованные непонятными и неаккуратными схемами. Вчера ко мне в гости заходил

Михаил, как раз тогда мы и нашли потрёпанную тетрадь с моими размышлениям о цикличности жизни.

–Как думаешь,-сказал тогда Михаил,-когда солнце снова взойдёт, вернёт ли оно с собой и ушедший день?

Нет, не вернёт. Прожить один день дважды невозможно, как и изменить прошлое. С закатом можно только смириться. Но это совсем не значит, что после того, как старьй день уйдёт, солнце уже никогда не взойдёт и новый день никогда не начнётся. Как восходит каждое утро солнце, как расцветает по весне кажется умерший цветок, так в нашей жизни чёрная полоса всегда сменяется белой, и только от нас зависит, насколько широкой будет эта белая полоса. Вернуться к тому моменту, когда я был счастлив, невозможно. Невозможно и воссоздать то время, повторить его. Но это не значит, что я никогда не стану счастливым снова. Сейчас в моём распоряжении моё будущее, и пусть я не всемогущ, я всё ещё могу решать, что мне делать со своей жизнью, как поступать, чтобы стать счастливым. Взяв телефон, я набрал одиннадцать цифр – номер, который я намеренно игнорировал раньше из-за страха вступать в новую главу моей жизни и привязанности к старой.

–Алло, Марина, привет, может встретимся?